

18+

КРИСИЯ КОВАЛЬСКИ

ЗЕРКАЛО ТЁМНОЙ ЛУНЫ

Крисия Ковальски

Зеркало Тёмной Луны

«Издательские решения»

Ковальски К.

Зеркало Тёмной Луны / К. Ковальски — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Андреас Скифани — молодой римский аристократ, который годами Андреас вынужден прятать лицо за маской, скрывая от мира страшный след древнего проклятия. Сильнейшая ведьма прошлого обрекла его род на мучения, и ни один чародей не в силах разрушить это заклятие. Но судьба дарует юноше шанс, когда он случайно встречается Биану. Сможет ли её любовь разрушить вековые чары, или тьма «Зеркала темной луны» поглотит их обоих? Книга содержит нецензурную брань.

© Ковальски К.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Глава восьмая	48
Глава девятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Зеркало Тёмной Луны

Крисия Ковальски

© Крисия Ковальски, 2026

ISBN 978-5-0071-4010-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«Каждый нуждается в том, чтобы ему время от времени
рассказывали хорошую историю»**

Тове Янссон, писательница

Benvenuti, дорогие читатели!

Маленькое предупреждение от автора: в этой книге очень много солнца, травяного чая с секретом и искреннего восхищения ведьмами.

Перед тем как вы перевернете страницу и окажетесь под палящим солнцем Италии, среди цитрусового флёра лимонов, старых оливковых рощ, прежде чем вы погрузитесь в пряный аромат прованских трав, терпкий шлейф кофе и легкий флирт, я хочу открыть вам один секрет. Времена изменились, но магия не перестала существовать. Даже если сегодня мы гуляем по залитым солнцем улочкам и смеемся, атмосфера колдовства все еще витает в воздухе.

Создавая эту историю, я преследовала одну важную цель — выразить свое глубочайшее уважение к ведьминской силе. Пусть наша история легкая и игривая, но через нее я покажу вам, что ведьмы — это символ невероятной внутренней свободы и единения с природой.

Да, мы вспомним мрачные тени инквизиции и легенды Беневенто, вы познакомитесь с милой Бианой, которая творит чудеса из целебных трав, и узнаете тайну проклятия ведьмы Черной луны. Как автор, я сразу хочу заявить: я безоговорочно на их стороне. На страницах этого романа нет «злых ведьм» из старых сказок. Есть женщины, которые умеют постоять за себя, и чью волю невозможно сломить.

Наш путь будет легким и увлекательным — из Рима в Беневенто, через средневековую Флоренцию к лазурному морю Лигурии. И на всем этом пути я беру под защиту каждую ведьму, задействованную в сюжете, какими бы разными они ни были.

Я искренне уважаю силу каждой из них, на моей территории царит аромат лаванды, много итальянского солнца, икрящегося юмора и, конечно же, магии. Устраивайтесь поудобнее. Вас ждут капля легкого безумия, южной страсти, немного тайн и легкого итальянского шарма. Вдохните аромат базилика и магии. Приятного чтения!

*Я поведаю вам историю, где сплелись колдовство и сталь.
Где над древним родом Скифани догорает былая даль.
В ночь Чёрной луны всё началось, пробудился злоеущий рок.
И на лице аристократа расцвел осквернения слог.*

*Андреас изувечен магией, лик его страшен и пуст.
Но Биана его полюбила, не боясь этих мёртвых уз.
В застенки сырых инквизиций, где цепи тайну сберегли,
Готова пойти на пытки ради этой чистой любви.*

В ночь Чёрной луны всё началось, в такую же ночь и растает

*Но Джерард ей дико мешает, маской лжи беду заслоняет.
Этот демон красивый, яростный, хочет её оградить,
Сжигает Биану в объятиях, пытаясь огонь потушить.*

*Что сильнее — закон проклятия, милосердие чистых глаз,
Или демон, готовый к гибели, чтоб спасти её в этот час?
Шаг в портал — и замкнётся время.
Открывайте скорей страницу:
Эта сказка соткана кровью, и она вам вовек не приснится.*

Глава первая

в которой вечерний воздух пахнет кофе, парень на «Веспе» ставит под угрозу общественную мораль, а легкомысленная юная ведьма дарит старушкам повод для пересудов.

***«В Риме невозможно быть
просто прохожим. Этот город
требует от тебя страсти,
даже если она длится всего
один взгляд на пыльной
мостовой»***

Альбер Камю

Приветливым звоном колокольчик известил о первом посетителе. Важный полноватый мужчина в шерстяном клетчатом костюме, держа в руках трость, неторопливо приближался к прилавку, за которым стояла юная миловидная девушка в светло-голубом платье, поверх которого повязан фартук, а чепец в тон фартуку прикрывает её ярко-огненные рыжие волосы.

— Buongiorno, синьор Флинжини, — поприветствовала его девушка.

— Buongiorno, синьорина Биана, — вежливо ответил мужчина, — Мне как обычно, кофе со сливками и... что у вас сегодня на десерт?

— Могу рекомендовать вам маритоццо. Тесто очень удачно поднялось, почти воздушное, — девушка уже проворно наливала кофе в ослепительно белую кружку и, перед тем как подать его к столику синьора Флинжини, достала из кармашка в фартуке небольшой стеклянный бутылёк и осторожно насыпала в напиток несколько крупиц пряной корицы. Биана была уверена, что корица приносит счастье, поэтому подсыпала её практически во все напитки для своих посетителей. Поднос с кофе, булочкой и плотной бумажной салфеткой, потому что невозможно не испачкаться нежным воздушным кремом, девушка отнесла синьору Флинжини, пожелав ему хорошего дня. И день будет удачным, в этом Биана не сомневалась ни капли. Её кондитерская «Корица и полночь» — не просто красивое название для яркой вывески над дверью. Каждый, кто заходил в это кафе, погружался в особенную атмосферу спокойствия и уютной радости. Посетители подозревали, что маленькая рыжеволосая хозяйка кондитерской печёт какие-то особенные десерты, которые необыкновенно вкусны и после них ощущаешь небывалую гармонию с миром.

Биана действительно использовала магические заклинания в процессе выпечки, но маленькую ведьму расстраивало, что этих заклинаний хватает только на пару часов после того, как съедлся десерт. Если бы Биана могла, она бы сделала посетителей своего кафе счастливыми на долгие годы, но могла принести им счастье только на пару часов. Но даже этой малости хватало, чтобы зарядиться энергией счастья.

Первых посетителей Биана встречала сама, а ближе к полудню приходил Маркус, заменял её за стойкой бара, и тогда Биана могла идти работать в кондитерскую, чтобы к завтрашнему дню приготовить новые десерты.

Донна Флориани, ещё одна постоянная посетительница кафе, сегодня припозднилась и пришла в печальном настроении.

— Что случилось, донна Флориани? — участливо спросила Биана.

На что старушка горестно вздохнула и ответила:

— Потеряла портмоне, а там банковская карточка. Вчера весь дом обыскала, так и не нашла ничего. Куда только оно могло подеваться? Помню, кажется, брала его как-то, какие-то документы смотрела, а вот куда потом положила, не помню.

— А вы привяжите к ножке стола красную нитку или кухонное полотенце. И ваша пропажа сама скоро найдётся, — посоветовала Биана.

— Ой, правда? — донна Флориани недоверчиво приподняла тонкую бровь, за стёклами очков её глаза выражали недоверие.

— Да, сделайте так, — уверенно ответила девушка, — Что сегодня будете брать?

— Ой, детка, вы же знаете, мне как обычно два круасана с шоколадом и кофе со сливками.

После двенадцати часов Биана, наконец-то, смогла уйти в кондитерскую, где тётя Виолетта, которой и принадлежала и кондитерская, и кафе при ней, уже сбивала белки с сахаром. Биане нравилось работать в небольшой кондитерской вместе с тётей Виолеттой и ещё двумя помощницами, полноватой донной Марианной и её сестрой Константиной. Обе женщины уже были в почтенном возрасте, но несмотря на это, очень подвижны, болтливы и веселы. Запах ванили, сдобы, пекущегося в духовке бисквита, пение донны Константины и работающий миксер были привычные запахи и звуки на кухне.

— Сегодня готовим бисквитный торт на заказ. Дочери синьора Бориарти десять лет, у них будет торжественный семейный обед, — дала задание тётя Виолетта.

И Биана принялась вдохновенно готовить. Ванильный шифоновый бисквит, шоколадный мусс, кофейный крем-чиз на сливках для прослойки, а украшением послужат сахарные котятки и шоколадное драже. Биана с довольной улыбкой посмотрела на великолепный торт, а тётя Виолетта с сомнением взглянула на резвящихся на нём котят.

— Может, лучше посмотрелись бы цветы? — предложила она.

— Но это же День рождения маленькой девочки, — возразила Биана. И тётя Виолетта согласилась.

После того, как приготовление торта было завершено, тётя Виолетта убрала его в холодильник, а племяннице разрешено было идти домой.

\$

Колокольчик над дверью маленькой кофейни звякнул, отпуская Биану на волю. Девушка на ходу стянула с себя рабочий фартук, аккуратно перекинула его через руку, и тяжелый, пропитанный ароматами крепкого эспрессо и испеченного ванильного печенья воздух сменился знойным дыханием вечного города.

Биана шагнула на мостовую и растворилась в лабиринте узких улочек. Город вокруг неё жил своей привычной, шумной и очаровательной жизнью. Высоко над головой, между тесно прижатыми друг к другу охристыми фасадами домов, натянуты бельевые веревки. Белоснежные простыни и яркие рубашки лениво колыхались на ветру, словно флаги какого-то домашнего, уютного королевства. Из-за угла, отчаянно тарахтя, вылетел юркий мотороллер «Веспа», заставив Биану прижаться к теплой каменной стене, пахнущей многовековой историей.

Римский вечер дышал теплом, и легкий ветерок тут же принялся играть с волосами девушки. Огненно-рыжие, непослушные пряди вспыхивали под лучами солнца, точно колдовское пламя. Прохожие невольно замедляли шаг. Местные парни восхищенно оборачивались ей вслед, провожая взглядами эту тонкую, сияющую фигуру. Один из них притормозивший у обочины на глянцевого черного мотороллере, окинул её дерзким, оценивающим взглядом, усмехнулся, обнажив белоснежные зубы, контрастирующие с его смуглым загорелым лицом, и крикнул так, что его голос разлетелся по всей узкой улочке:

— Эй, рыжая! Бросай свой фартук, со мной тебе будет гораздо жарче, чем на кухне! Садись, прокачу так, что юбка улетит!

Две пожилые итальянки в строгих темных платьях, чинно переходившие дорогу неподалеку, тут же синхронно остановились. Они неодобрительно поджали губы и наградили наглеца

и рыжеволосую девушку тяжелыми, осуждающими взглядами, безмолвно крестясь и сетуя на бесстыдство современной молодежи.

Но эта дерзость, напротив, только раззадорила Биану. Ей безумно понравилась его уверенная наглость, в которой бурлила чистая итальянская кровь и жажда жизни. Девушка бросила на парня лукавый, многообещающий взгляд, загадочно улыбнулась шустрому водителю в ответ, качнула головой и, не сбавляя шага, пошла дальше. У неё был свой путь.

Впереди показался простор — улочка вывела её к набережной Тибра. Биана подошла к старинному парапету, ведущему прямо к воде.

К вечеру небо окрасилось в безумные оттенки спелого инжира и янтарного мёда. Спустившись к Тибру, девушка почувствовала, как городская суeta окончательно отступает. Воздух, остывающий после дневного зноя, смешивал запахи нагретого травертина, речной прохлады и вечерней свежести. Огромные платаны вдоль Лунготевере тихо шелестели, роняя длинные тени на брусчатку, а купола соборов вдалеке казались темными силуэтами на фоне пылающего горизонта. Река под мостом была густой, тёмной и таинственной, словно древнее ведьмино зелье, в которое уронили пригоршню золотой пыли. Биана оперлась ладонями о прохладный камень парапета и залюбовалась тем, как последние лучи солнца цепляются за верхушки пиний и старые крыши. В этом городе, тонущем в пурпурных сумерках, магия ощущалась так остро, что, казалось, протяни руку — и коснешься самого времени.

Девушка направилась дальше, к мосту Святого Ангела, казавшемуся ожившей старинной легендой. Его древние арки уже почти две тысячи лет украшали течение Тибра. В лучах заходящего солнца белоснежный мрамор окрасился в нежные оттенки персика и чайной розы. Уходящее солнце плавило воду под его опорами, превращая реку в зеркало из темного золота. Десять ангелов Бернини возвышались над мостовой, и в густеющих сумерках их каменные одежды казались почти подвижными, колышущимися от речного ветра. Они замерли вдоль парапетов, раскинув каменные крылья, словно готовились взлететь в пылающее закатное небо. Лучи заходящего солнца подсвечивали их силуэты, создавая для каждой фигуры сияющий золотой ореол.

Биана провела ладонью по нагретым за день перилам, глядя сквозь эту небесную стражу на темнеющий вдали купол собора Святого Петра. Магия этого места была настолько плотной и древней, что ведьма почти физически ощущала её присутствие. Ей казалось, что изваяния не просто охраняют путь к замку на том берегу, а безмолвно наблюдают за городом, провожая ещё один римский день. Биана остановилась в самом начале моста Святого Ангела, укутанная мягким вечерним теплом. Дневная суeta в кафе и неодобрительные взгляды ворчливых старушек остались позади. Здесь, над водой, царило блаженное спокойствие. Закат медленно угасал, окрашивая старый камень моста в глубокие терракотовые тона. Огромные фигуры ангелов, застывшие в грациозных позах, ловили последние косые лучи, бросая длинные драматичные тени на брусчатку. Где-то неподалеку уличный музыкант заиграл на скрипке, и этот чистый звук, смешиваясь с тихим плеском реки, сделал вечер по-настоящему волшебным.

Девушка замерла и закрыла глаза. Она высоко подняла голову, подставляя лицо навстречу резкому, свежему речному потоку воздуха. В этот миг Биана перестала быть просто уставшим после смены кондитером. Каждой клеточкой кожи, каждым вздохом она впитывала силу этого места. Она чувствовала, как бурное течение Тибра, горячее солнце и вольный ветер сплетаются внутри неё, наполняя чистой, звенящей магией стихий.

Ей не хотелось колдовать — в этот час Рим творил главную магию и оставалось только завороченно любоваться тем, как он это делает.

Глава вторая

в которой герой превращает своё эксцентричное одиночество в стильный, безумный и опасный ритуал, балансируя на грани и выжимая максимум из своего байка ранним утром.

***«Захлопни визор,
вруби передачу — и ты больше никому ничего не должен.
Под этой броней ты можешь быть
хоть богом, хоть дьяволом.
Никто всё равно не узнает твоего имени»
Из мемуаров «Ride Free, Ride Hard»***

Андреас застегнул ремешок тяжёлого мотоциклетного шлема с глухим чёрным визором. Под этим пластиковым куполом можно было спрятать уродливое клеймо древнего родового проклятия, веками разрушавшего его семью. Но сейчас, в зеркале заднего вида, отражался просто парень в кожаной куртке. Эти ранние утренние часы принадлежали только ему, имеющему простую юношескую мечту о нормальной жизни.

Байк ждал его на мраморных плитах внутреннего дворика. Brough Superior SWS100. Черный хром. Хищный силуэт. Два цилиндра, отлитые из титана, блестели в лучах рассвета. Этот байк стоил как вилла в Тоскане. Настоящая опасная роскошь. Никакого дешевого пластика. Только чистый металл и первобытная скорость.

Он подошёл к своему «Брафу Супириору», на ходу натягивая дорогие кожаные перчатки. В первых лучах восходящего солнца байк выглядел как ожившее произведение технического искусства. — собранная вручную на заказ, эксклюзивная гоночная модель, из которого убрали лишнюю электронику, установив тяжёлый механический кикстартер. В его облике не было дешевого пластика — только чистая порода. Округлая винтажная фара в хромированном ободке отражала фасад старинной виллы. Идеально отполированный топливный бак из авиационного алюминия, изготовленный вручную, сверкал глянцем, а вдоль него тянулось узкое сиденье из дорогой терракотовой кожи с безупречной ручной прострочкой. Сквозь изящную трубчатую раму проглядывал массивный, brutальный двигатель, от которого в бак уходила хромированная труба выхлопа. Всё в этом мотоцикле — от спицованных колес до фрезерованных рычагов — кричало о баснословной стоимости и безупречном вкусе владельца.

Гонщик полностью соответствовал своему безумно дорогому байку. На парне была эксклюзивная косуха от премиального тосканского бренда, сшитая на заказ из мягчайшей матовой кожи глубокого графитового цвета. Куртка сидела идеально по фигуре, а на плечах и локтях красовалась изящная стеганая защита, выполненная в виде фамильного геометрического узора. Образ завершали черные джинсы и тяжелые итальянские челси из состаренной вручную воловьей кожи на толстой наборной подошве — грубые, но невероятно стильные, способные выдержать любые дорожные испытания. Между манжетой перчатки и рукавом куртки на секунду блеснул массивный корпус часов Panerai Radiomir — легендарной итальянской марки с вековым флорентийским наследием, чей винтажный кожаный ремешок идеально сочетался с сидением байка.

В движениях Андреаса не было суеты. Наклонив корпус, он откинул тяжелую, полированную до зеркального блеска педаль кикстартера. Парень плавно выжал декомпрессор, поймал ногой нужное положение поршня, а затем резко, с ловким атлетическим усилием, обрушил весь свой вес на рычаг. Кикстартер с металлическим щелчком ушёл вниз. Мотор «Брафа» отозвался не сразу — сначала раздался глубокий, утробный вздох колоссального цилиндра, а в следующую секунду тяжелый спаренный выхлоп выдал оглушительный, утробный рык, взры-

вая покой старого тенистого дворика перед виллой. Два литра сжатого воздуха и бензина взорвались внутри мотора. Стены древнего палаццо задрожали от вибрации. Земля под ногами дрогнула. Байк мелко задрожал. От него веяло жаром и дорогой смазкой. Это был рев дикого зверя, запертого в титановую клетку.

Андреас хищно улыбнулся. Он был готов подчинить себе эту опасную бешеную скорость и, не теряя ни секунды, перекинул ногу через узкое кожаное сиденье. Левая рука привычно рванула на себя рычаг сцепления, носок массивного ботинка резко вбил первую передачу, и парень до упора выкрутил ручку газа.

Байк выпрыгнул с места. Заднее колесо на мгновение свистнуло, срывая пыль с каменных плит, и мотоцикл устремился вперед. Передачи щелкали одна за другой с пулеметной скоростью. Уже через пару секунд Андреас летел по шоссе на скорости далеко за сотню, превратившись в стремительный, ревущий силуэт, растворяющийся в утреннем тумане ещё спящих окраин.

&

Каждый раз, когда Андреас Скифани надевает черный шлем, он становится безымянным королем асфальта.

*В полумраке застыли зеркала и лепнина,
Век за веком хранит этот замок позор.
Но срывает проклятия черного сплина
Яростный, бешеный, дикий мотор.*

Шоссе по направлению к Риму в этот час абсолютно пустынно. Чёрная лента асфальта принадлежит только ему. Андреас выжимает ручку газа, и байк катапультируется вперёд, рассекая утренний туман. Скорость мгновенно перешагивает за сотню, затем за полторы. Это не просто езда — это его безумный ежедневный ритуал. Священный акт, который смывает с него ощущение собственной неполноценности.

*Пустое шоссе улетает во тьму,
И стрелка натужно стремится за край.
Никто не укажет теперь никому,
Где ад его личный, где выдуман рай.*

Ледяной утренний воздух мощной волной бьёт в грудь. Он пытается сорвать пилота с седла, но парень лишь плотнее прижимается к бензобаку, сливаясь с байком в единое целое. Внутри шлема не осталось мыслей о проклятии, родовой гордости или одиночестве. Есть только бешеная концентрация. Мир вокруг превращается в размытые зелёные и серые полосы.

*Встречный ветер ломает и бьёт его в грудь,
Упоение скоростью — вместо вина.
Он за пару секунд забывает весь путь,
Где осталась уродства бездонная тьма.*

Адреналин взрывает кровь. Каждый крутой поворот серпантина — это игра со смертью на грани фола. Колено почти касается асфальта, шины жалобно свистят, удерживая двухколесного монстра на траектории. Подчинение этой дикой мощи даёт ему абсолютную власть, которой он лишен в обычной жизни. Только здесь, на бешеной скорости по дороге в Вечный город,

он чувствует себя по-настоящему живым. В эти предрассветные минуты его сердце бьётся в унисон с поршнями двигателя. Опасность, рёв выхлопа и свист ветра заглушают душевную боль.

*Дорога на Рим — это таинство, бег,
Где маски сорвал сумасшедший рассвет.
Всего на час он опять человек,
Которому боли и проклятия нет.*

Впереди уже вырисовываются далёкие силуэты римских окраин, окрашенные в розовые тона рассвета. Скоро ему придётся повернуть назад, вернуть байк в гараж, снова надеть маску и запереться в четырех стенах. Но сейчас, пока стрелка спидометра дрожит у красной зоны, он свободен. Он живёт.

&

Раннее утро в Риме пахло остывшим за ночь камнем, крепким эспрессо из редких открытых кафе, нежным ароматом цветущих бугенвиллей и влажной свежестью Тибра. Часы на площади Испании только что пробили пять. Город ещё спал, окутанный мягким розоватым туманом, и это было единственное время суток, когда Андреас Скифани чувствовал себя свободным.

Байк въехал на улицы города, эхом разрезая тишину узких переулков. Андреас намеренно выбирал самые извилистые маршруты. Он пролетел мимо спящей Пьяцца Навона, где фонтаны пенились в полном одиночестве. Колёса мягко шуршали по брусчатке — знаменитым римским санпьетрини. Ветер бил в грудь, и юноша за шлемом впервые за сутки глубоко, свободно вздохнул. На большой скорости проклятие отступало. Оно не могло его догнать.

Выехав на просторную площадь перед Пантеоном, Андреас сбросил газ. На ступенях сидел пожилой дворник с метлой. Мужчина мельком взглянул на проезжающего байкера, равнодушно кивнул своим мыслям и вернулся к работе. Андреас замер от восторга. На него посмотрели без ужаса. Без жалости. Не как на монстра из старинного палаццо, а как на часть этого огромного города.

Солнце медленно поднималось над крышами Вечного города, окрашивая охристые стены домов в золотой цвет. Рим просыпался, и Андреас знал, что скоро ему придётся вернуться в своё убежище, ставшее для него тюрьмой. Но пока у парня оставалось ещё полчаса абсолютной, пьянящей свободы.

Андреас притормозил у края тротуара на Виале дель Травестере в половине шестого, когда солнце уже поднялось над Римом, резким золотистым светом. когда тишину утра разорвал визг тормозов и глухой, страшный удар. Матово-серая «Феррари» пролетела на красный свет, оставив на асфальте чёрные полосы жженой резины, и скрылась за поворотом.

На пешеходном переходе, прямо под мигающим зелёным сигналом светофора, осталось лежать неподвижное тело. Это был совсем молодой парень в спортивной куртке и поношенных старых джинсах.

Рим мгновенно перестал быть пустынным. Из переулков, дверей уже открывшейся пекарни «Caffe Trastevere», с автобусной остановки «Белли» и центральной трамвайной платформы «Соннино» к месту аварии бросились первые прохожие — те немногие, кто спешил на раннюю работу. Андреас не снимал шлема. Наоборот, он сильнее опустил тёмный визор, чувствуя, как внутри всё сжимается от беспомощности. Вокруг пострадавшего быстро росла растерянная толпа.

— Вызывайте «скорую»! Быстрее, кто-нибудь, — истошно закричала женщина с большой холщовой сумкой.

Кто-то судорожно тыкал пальцами в экран телефона. Пожилой синьор, взглянув на неестественно вывернутую ногу парня и струйку крови, толчком бьющую из-под его разорванной рубашки, горестно вздохнул:

— Этот парень не жилец... Ему уже ничего не поможет.

— Господи, он умирает! — подхватила женщина, стоящая рядом с синьором.

Пострадавший хрипел. Его лицо побелело, а веки судорожно подрагивали от болевого шока. Андреас замер на байке, приросший к месту. Он сейчас видел, как прямо перед ним уходит чужая молодая жизнь. И он был бессилён.

Но тут толпа странно зашевелилась. Люди не просто расступались — они словно раздвигались в стороны под воздействием невидимой, мягкой волны. Сквозь человеческий коридор уверенно прошла девушка. В лучах утреннего солнца её медно-рыжие, почти огненные волосы казались ореолом. На ней было простое легкое платье, а на лице не отражалось и тени того панического страха, который охватил остальных.

Она решительно, но грациозно опустилась на колени прямо в дорожную пыль и кровь рядом со сбитым парнем. Девушка мягко положила тонкую ладонь на лоб умирающего. В ту же секунду его судорожный хрип прекратился. Парень, только что бившийся в агонии, внезапно обмяк, его лицо разгладилось, дыхание стало ровным и глубоким, будто он погрузился в целебный, спокойный сон. Затем она перенесла руку чуть ниже, к разорванной грудной клетке и страшной рваной ране, из которой секунду назад хлестала тёмная кровь. Девушка едва коснулась краев порванной кожи. На глазах у замершего Андреаса и десятка прохожих началось невероятное. Воздух вокруг её рук задрожал, как марево над костром. В ту же секунду алое пятно на асфальте перестало расти. Кровь остановилась, мгновенно свернувшись. Края кожи поползли навстречу друг другу, соединяясь и бледнея. Через мгновение на месте смертельного повреждения осталась лишь чистая, абсолютно гладкая розовая кожа. И только разорванные, пропитанные кровью края рубашки напоминали о страшной ране.

Вокруг повисла оглушительная, мертвая тишина. Изумление сковало людей. Никто не кричал, не задавал вопросов, не доставал камер и не снимал. Люди стояли, боясь даже вздохнуть, словно малейший звук мог разрушить это невозможное, очевидное чудо.

Андреас за стеклом шлема смотрел на рыжеволосую незнакомку, и его сердце бешено колотилось в груди. Он, прячущий под маской уродство проклятия, только что увидел ту, которая способна исцелять одним прикосновением.

Со стороны площади Сидни Соннино, где через мост находилась старейшая больница Фатенебенефрателли, раздался нарастающий, пронзительный вой сирены. Звук приближающейся скорой помощи мгновенно разрушил гипноз, сковавший улицу. Толпа вокруг ожила, люди испуганно зашептались, закрутили головами, кто-то сделал шаг назад, уступая дорогу бегущим медикам.

Рыжеволосая плавно поднялась с колен, отряхнув подол платья, и сделала шаг назад. Врачи не задавали вопросов — они просто заняли её место, словно подчиняясь безмолвному приказу. Пока все взгляды были прикованы к чудом спасённому парню, который уже открывал глаза, рыжеволосая девушка скользнула вглубь человеческой массы и незаметно исчезла.

Но Андреас не отвёл от неё взгляда ни на секунду. Под черным визором шлема его глаза лихорадочно и напряжённо следили за каждым её движением. Для него эта девушка стала единственным проблеском надежды за всю жизнь. Он просто не мог дать ей уйти. Андреас резко крутанул ручку газа. Байк послушно взвыл, объезжая замершие машины, карету скорой помощи и протискиваясь между ошарашенными пешеходами.

Среди серой утренней толпы, спешащей к автобусам, её огненные волосы вспыхивали ярким маяком. Она двигалась удивительно быстро и легко.

Андреас держался на расстоянии тридцати метров, стараясь не привлекать лишнего внимания тихим урчанием мотора, но и не теряя девушку из виду за углами домов.

Она свернула на крошечную, скрытую от туристов пьяцету, где посреди тишины журчал старинный фонтан с питьевой водой. Девушка подошла к нему, чтобы смыть с ладоней следы чужой крови.

Андреас заглушил мотор на въезде в арку. Сердце колотилось в уши так сильно, что заглушало плеск воды. Он спрыгнул с байка и сделал несколько шагов вперёд, оставаясь в тени. На нём всё ещё был глухой мотоциклетный шлем, полностью скрывающий лицо.

Огненно-рыжие волосы девушки горели в лучах восходящего солнца. Она опустила руки в прохладную воду, смывая кровь. Андреас замер в тени вековой арки. Вода в фонтане окрасилась в розовый цвет. Девушка тихо вздохнула. То, что она сделала на перекрестке — требовало колоссальных сил, и теперь она ощущала лишь усталость и опустошение, но распознать чужое присутствие её чутью это не помешало.

Она выпрямилась, стряхивая капли прохладной воды с тонких пальцев, и вдруг замерла. Она не обернулась, но Андреас понял: она знает, что он здесь. На тихой площади они остались абсолютно одни.

\$

Воздух между ними словно уплотнился. Утреннюю тишину заполнял только журчащий звук воды в фонтане, отдающийся гулким эхом в старых каменных стенах, окружающих площадь. Девушка медленно повернулась в сторону затемнённой арки, под сводами которой, где стоял Андреас. Парень затаил дыхание. Через тонированное стекло шлема он жадно всматривался в её лицо, пораженный её внезапной, гипнотической красотой. Её лицо обладало той редкой, завораживающей красотой, которую трудно забыть. На бледной, словно фарфоровой коже ярким акцентом выделялись глаза — глубокого, колдовского изумрудного цвета. Аккуратный носик, мягко очерченные губы и россыпь темных родинок на правой щеке. Они напоминали крошечное созвездие, словно это была таинственная метка самой судьбы, подчеркивающая её исключительность. Тонкий овал лица обрамляла копна непослушных рыжих волос, похожих на всполохи лесного пожара.

В полумраке старого каменного дворика она казалась сошедшей с полотен эпохи Возрождения.

И этот контраст больно ранил его, прожёт острым раскаленным клинком в самую грудь, лишая дыхания. Он — чудовище на дорогом байке, прячущее своё уродство под глухим пластиком шлема. Она — хрупкое воплощение чуда, только что спасшее человеческую жизнь. Девушка сделала осторожный шаг назад, не сводя глаз с его тёмного силуэта в тени каменной арки. И только вода в фонтане продолжала тихо журчать, отсчитывая секунды их молчаливого противостояния.

Андреас резко развернулся. Осознание собственного уродства с новой силой обожгло его, заставив отступить обратно в тень арки. Он резко развернулся и быстро пошёл к байку, оставленному перед входом в арку, запрыгнул на сидение и завёл мотор, покинув площадь до того, как она успела сделать шаг навстречу.

Однако упустить её навсегда он уже не мог. Андреас с тяжело бьющимся сердцем и срывающимся дыханием припарковался на углу соседней улицы и стал ждать. Минуты через две рыжеволосая девушка вышла из переулка. Он поехал следом, держась на безопасном расстоянии. Парень глушил двигатель и катил байк на нейтральной передаче каждый раз, когда она сворачивала вглубь извилистых, ещё тенистых переулков. Её огненные волосы вспыхивали ярким пламенем на фоне серых вековых стен.

Андреас прятался за углами домов и припаркованными автомобилями, двигался как тень, боясь спугнуть своё внезапное спасение.

Наконец его терпение было вознаграждено.

Девушка свернула на уютную, укрытую от утреннего солнца тенью цветущих бугенвиллей улочку и толкнула стеклянную дверь с вывеской: «Cannella & Mezzanotte». Над дверью звонка звякнул маленький латунный колокольчик.

Андреас припарковал байк через дорогу, в тени раскидистого платана, и заглушил мотор. Шлем он снимать не стал, глухой черный визор по-прежнему безопасно прятал его тайну. Осторожно, стараясь не выдавать своего присутствия, парень приблизился к широкой стеклянной витрине кафе и принялся наблюдать сквозь чистое стекло, украшенное старомодными узорами.

Девушка быстро прошла за стойку. На ходу она привычным, отточенным движением повязала вокруг тонкой талии белоснежный фартук, поправила выбившийся рыжий локон под накрахмаленный чепчик, улыбнулась на шутку молодого чернявого и юркого официанта и принялась протирать фарфоровые чашки, выставляя их ровными рядами.

Всего двадцать минут назад эта тонкая девичья ладонь затягивала смертельные раны и повелевала плотью. А теперь те же пальцы аккуратно брали хрупкий фарфор. Она казалась самой обычной, земной и бесконечно далёкой от готических тайн палаццо, в котором вырос и жил Андреас.

Юноша стоял на тротуаре, не сводя взгляда с витрины. Прохожие уже спешили мимо на работу, но для него весь мир сжался до размеров маленькой кофейни «Корица и полночь».

Он не знал, сколько времени провёл в городе, то прячась под тенью платана, то снова робко и осторожно заглядывая в витрину кофейни, но зайти внутрь он так и не решился. И только когда длинные тени от ветвей платана стали ложиться на брусчатку, Андреас снова сел на байк. Он резко нажал на газ, уносясь прочь от кофейни. Сердце колотилось в уши в такт безумному ритму мотора. Юноша мчался по заполненным улицам Рима, но не замечал ни лучей заходящего солнца, слепящих глаза, ни вечерней суеты. В его сознании стоял один и тот же образ: рыжие волосы, вспыхнувшие в лучах рассвета, и кровавая рана, исчезающая под тонкой рукой.

Тяжелые кованые ворота, на которых едва читалась стёртая латинская надпись «Latebra Occulta», беззвучно распахнулись и тут же захлопнулись за его спиной, отсекая Андреаса от живого, шумного мира. Он заглушил байк в тенистом, заросшем плющом внутреннем двореке виллы.

Едва подошвы его ботинок коснулись мраморных плит, из глубины сада к нему с радостным лаем бросились его собаки, два угольно-черных кане-корсо. Это были единственные живые существа на вилле, которые любили его без капли страха и брезгливости. Животные преданно ткнулись мокрыми носами в его колени, прося ласки. Андреас рассеянно, чисто механически потрепал их по густой шерсти.

— Не сейчас, мальчики, назад, — глухо выдохнул он из-под шлема.

Обычно он проводил с ними часы, но сегодня мысли юноши были заняты совершенно другим.

Вбежав по высокой парадной лестнице в дом, он сорвал тяжёлый мотоциклетный шлем. Из зеркала в холле на него взглянуло его проклятие. Андреас зажмурился, отвернулся и быстрым шагом направился в свой кабинет, на ходу доставая смартфон.

Откинувшись на спинку старинного кожаного кресла, юноша лихорадочно открыл поисковик. Его подрагивающие напряжённые пальцы быстро вбивали в строку поиска название, которое теперь казалось ему заклинанием: *«Корица и полночь» Рим Трастевере кафе кондитерская*

Экран вспыхнул результатами, и Андреас углубился в поиски. Спустя пару минут он наткнулся на стильный, лаконичный сайт заведения с мягким полуночно-синим фоном. Андреас сразу же открыл раздел онлайн-заказов. Он наугад выбрал несколько коробок фирменной выпечки с корицей и оформил доставку на адрес своей виллы, указав вымышленное имя. Это был лишь предлог, чтобы стать их клиентом. Главной целью было другое. Андреас перешёл по иконкам социальных сетей кофейни, надеясь выйти на руководство. Он листал фотографии интерьера, аппетитных круассанов и стильно оформленных витрин с выпечкой, наконец, наткнулся на снимок команды кофейни. На фото у стойки стояла пожилая пара, уже знакомый вертлявый официант и две женщины в униформе кондитеров, но фото таинственной девушки не было. Владелицей кофейни оказалась синьора Виолетта Маринари, та самая пожилая полная женщина, держащая супруга под руку.

Он тщательно изучал вкладки «О нас» и контакты. В небольших кафе хозяйки часто лично указаны в профилях. И вот... удача! Он видит фото, на котором изображена рыжеволосая девушка. На снимке не видно отчетливо её лица, только тонкий силуэт на фоне морского побережья и развевающиеся на ветру огненно-рыжие волосы. Но Андреас не сомневается, что это она. Теперь у его спасения было имя - Биана Маринари. Он кликнул на её личный тег, переходя в профиль владелицы, и принялся жадно изучать каждую кроху информации, доступную в сети.

Глава третья

ироничная, динамичная и немного романтическая, в которой юная ведьма искала свободу в небесах, а нашла чертовски привлекательные проблемы на земле.

*«Луна была так близко, что казалось,
её можно коснуться рукой»
Герберт Уэллс*

*«Главное — не взлёт. Главное — посадка».
Авиационное правило*

Под ногами тихо шуршала галька, где-то недалеко со стороны залива приглушённо слышались крики чаек. Сумерки сгущались, и узкая извилистая дорожка исчезала в темноте. Биана произнесла магическое заклинание, и в миг десятки маленьких фонариков осветили путь. Хотя, конечно, чтобы осветить тропинку, хватило бы и одного светлячка, но Биана решила, что одному светлячку станет скучно и к тому же, ведь это так красиво — весёлое мерцание светлячков в ночи. Они весело подпрыгивали, и то скакали как мячики, то вдруг начинали вальсировать и быстро кружиться в красивом ритмичном танце.

Сквозь серые тучи медленно выходила луна. И Биана взглянула на её ещё бледный, только чуть-чуть приоткрытый тёмной тучей бок и с удовольствием подумала, что сегодня полнолуние. Стояла завораживающая тишина, даже крики чаек смолкли, тёмные тени от корявых веток чертили жуткие силуэты на дорожке, в холодном желтовато-голубом сиянии было что-то таинственно-зловещее. Юной ведьме очень нравился этот наводящий страх ночной пейзаж и ей вдруг очень захотелось полетать. Огромный лунный диск снова спрятался за тяжело-свинцовую тучу. И ветви деревьев, старых чинар, которые корявыми линиями теней изрисовали причудливыми линиями дорожку, слегка зашевелились, а вместе с ними ожили и зашевелились зловещие силуэты их теней, словно чьи-то длинные корявые пальца-щупальцы. Подул ночной бриз. «Как прекрасно...», — подумала Биана и прибавила шагу, торопясь прийти домой и осуществить задуманное.

Тётка Виолетта уже спала, и Биана тихо проникла в свою комнату, переоделась в тёмное платье и накинула длинный чёрный плащ, чтобы слиться с темнотой. Но уже выходя из своей комнаты, Биана вспомнила, что может озябнуть и натянула на ноги длинные шерстяные чулки тигровой расцветки. Жёлто-коричневые полосы забавно пестрели на тонких изящных ножках ведьмы, а на чёрных ботиночках ярко блестели серебряные застёжки. Биане не требовалось зеркало, чтобы увидеть себя, юная ведьмочка довольно хмыкнула, оглядев свой наряд внутренним взором.

В пыльном углу на чердаке стояла её новая ещё не опробованная метла. Биана вздохнула — ничего не поделаешь, придётся сначала её обучать.

— Ну, здравствуй, метла, — почтительно произнесла Биана и скинула с черенка метлы паутину, — Полетаем?

Взяв метлу в руки, Биана забралась на крышу. Прохладный ветер с моря развеивал её длинные волосы, и они пушистым облаком разлетались вслед за его порывами. Биана произнесла заклинание, села на метлу и прыгнула с крыши. Если бы кто-нибудь в этот момент увидел Биану, то восхитился и уж наверняка залюбовался бы этим зрелищем. Луна снова вышла из-за тучи и теперь освещала кроны деревьев, крыши домов из красной черепицы и тонкий изящный силуэт девушки в тёмном плаще и забавных чулках в полоску, с летящим облаком из ставших тёмными в ночи волос.

Но никто не восхищался и не залюбовался, потому как в окнах домов на побережье уже давно погасили свет. В апельсиновой роще тихо и безлюдно. Биана посмотрела вниз, и дух захватило от восхищения. Внизу виднелись крыши белых как сахарные пирожные домиков, холмы и перелески, а где-то вдали светился яркими неоновыми огнями город. Биана подняла взгляд, ночное небо стало чернее, как будто на него небрежно разлил чернила нерадивый ученик, и на небесном своде показались первые мерцающие таинственным холодным светом звёзды. И уже отчётливо можно разглядеть ковш большой медведицы, мягко ступающей огромными лапами по ночному небосводу, высоко и горделиво подняв длинный хвост. В лицо Биане дул холодный ветер, разметав волосы. Метла прибавила скорости, и у юной ведьмы захватило дух от потрясающего пьянящего сочетания скорости, красоты и полной свободы.

Сначала метла летела быстро, но придерживалась прямой траектории, но вскоре ей это, кажется, наскучило, и она начала приплясывать от радости.

— Эй, поосторожнее! — засмеялась Биана, крепче вцепившись в черенок метлы. Но метла, ещё молодая и совсем не солидная, конечно же, не послушалась и начала приплясывать ещё с бОльшим энтузиазмом.

— Эй, прекрати, кому говорю! — рассердилась Биана и прикрикнула на метлу, крепко вцепилась в черенок и попыталась навалиться на него своим весом.

Но, то ли вес юной ведьмы был слишком лёгкий, то ли метла слишком упрямой, но траектория движения не стала прямой. Пытаясь выровнять направление, Биана резко дёрнулась в сторону, и метла, резко снизив высоту, так что у Бианы заложило в ушах, подпрыгнула и, потеряв чувство ориентации, налетела на крону какого-то ветвистого дерева. Секунда, и послышался треск ломаемых веток, гул в ушах, глухой звук падающих на землю спелых апельсинов, испуганно-возмущённый крик и боль от резкого падения.

Биана упала на траву, и её накрыли одеялом спутанные разлохмаченные волосы, попадая в рот, в глаза и нестерпимо щекоча нос. Биана фыркнула, выплюнув волосы, и потёрла ушибленное колено. Вдруг почти рядом что-то с глухим стуком упало в траву. Биана подумала, что это ещё один спелый апельсин, но приглядевшись, увидела свою метлу.

— Спасибо тебе, метла, — с чувством сказала маленькая ведьма и про себя с радостным удовлетворением подумала: «Хорошо, что в этот раз не сломанная».

Но не успела Биана порадоваться, оглядеться и подумать, что делать дальше, как что-то заставило её резко насторожиться. Биана ощутила, как мороз прошёлся от позвонков на шее и по всей спине до самого копчика, и это была до того неприятная дрожь, как будто через её тело прошёлся лёгкий удар электрического тока. Биана подняла голову, откинула ладонью упавшие на лицо тяжёлые волосы и замерла от страха.

В нескольких шагах от неё возвышается чёрная тень. Высокий широкоплечий мужчина, одетый во всё чёрное, стоит неподвижно, идеально-красивое надменное лицо. холодным стальным блеском светятся фиолетовые глаза. Страшная догадка пронзила сознание Бианы. Демон! Перед ней стоит самый настоящий демон и смотрит на неё внимательно, не отрывая голодного пронзительного взгляда, гипнотизируя им и подчиняя.

Полнолуние. Время силы демонов. Биана никогда раньше не встречала демонов, только слышала о них, но колдовским чутьём распознала демона сразу же. Вопреки распространённому мнению, демоны вовсе не ужасны, напротив, их внешность очень притягательна, как бывает тревожно и опасно притягательно только зло. Голод в его взгляде красноречиво говорил о том, что он жаждет получить живые сильные человеческие эмоции, только вся опасность в том, что демону нужны низкочастотные эмоции, и сейчас он с явным наслаждением впитывал её страх.

— Кхе... — начала растерянно Биана, чтобы прервать пугающее её молчание и не придумала ничего лучше, чем вежливо добавить, — Добрый вечер... Хорошая сегодня погода, не находите?

— Скорее ночь, — прозвучал в ответ глубокий мужской голос с насмешливыми интонациями, околдовывая бархатистыми вибрациями, — Ты забавно летаешь. Занятно.

Фиолетовые глаза мерцали в ночи, создавая немного жуткое зрелище, а его лицо оставалось неподвижно. Биана заметила, что его взгляд устремлён на её разодранные в кровь колени, с которых чуть съехали нелепые полосатые чулки. И взгляд этот девушке не понравился. Он не предвкусил ничего хорошего, был настолько тяжёлый и откровенно горячий, как будто по её обнажённым коленям прошёлся паяльной лампой. И как будто читая её мысли, мужчина приблизился. Теперь Биана сидела возле его ног, а он возвышался над ней. И это тоже было неприятно.

— Что ты делаешь в моём саду, маленькая неуклюжая ведьма? — вкрадчивым медовым голосом вопрошает мужчина в чёрном.

— Вашем?.. — растерянно переспрашивает Биана, но сразу же спохватывается, — Извините, так получилось. Не справилась с управлением.

— И так... Что мы имеем? — мужчина присел на корточки, его фиолетовые глаза оказались напротив её лица и замерцали красным. Биана невольно содрогнулась, но взгляда своего не отвела. Она вспомнила, что демоны могут менять цвет глаз. Но почему он так смотрит? Почему же он так смотрит, чёрт побери, как будто он ужасно голоден, а она аппетитный кусок стейка?! Биана запоздало спохватилась и быстрым суетливым движением натянула на колени задравшийся подол платья, прикрывая царапины. А незнакомец вдруг протянул руку и дотронулся подушечками пальцев до её щеки, медленно поглаживая. Его пальцы оказались неожиданно тёплыми и, несмотря на лёгкие прикосновения, в них ощущалась сила. Его же голос продолжал звучать вкрадчиво и обманчиво мягко, контрастируя со смыслом того, что он говорил:

— Незаконное проникновение на чужую территорию. Вызываем полицию, маленькая ведьма? И ты в участке будешь рассказывать дежурному полицейскому, зачем и с какой целью проникла на мою территорию в первом часу ночи.

— Нет... Не надо! Давайте без полиции. Я же, правда, ничего плохого не хотела... Моя метла... — Биана бросила быстрый взгляд на траву, где в нескольких шагах от неё валялась чёртова метла.

— Можно и без полиции, — всё так же вкрадчиво-медленно произносит хозяин сада, — Можно сделать намного интереснее. Провести ночь в полицейском участке, отвечая на вопросы карабинера не так интересно, как поиграть в прятки, не правда ли?

Его глаза при этом засветились таким ярким фосфорическим блеском, что Биана невольно отвела взгляд, а его пальцы продолжали рисовать затейливые узоры на её зардевшейся щеке.

— Прятки?.. — тихо переспросила она.

— Ну да. Ты прячешься, а я ищу. Мой прекрасный сад полностью в твоём распоряжении, моя милая названная гостья. Если я тебя не найду в течение десяти минут, то разрешу тебе уйти, а если найду... — его губы при этом оказались в опасной близости к её губам, так что девушка ощутила его горячее дыхание.

Он резко убрал пальцы от её щеки, и его ладонь вмиг обхватила её тонкую шею, пальцы чуть надавили на горло. Биана замерла от страха, а его голос стал ещё ниже и в нём появились хриплые чувственные нотки:

— Начинаем играть, рыжая. Раз, два, три... Я даю тебе возможность спрятаться. У тебя ровно минута, — его пальцы разжались, и девушка резко и быстро, как кошка, встретившая злобного пса, метнулась в густую тень деревьев. На непроницаемом лице мужчины появилась едва заметная улыбка. Это было предвкушение. Прячься — не прячься, убегай — не убегай, а исход будет один. Сегодня ночью у мужчины будет весьма приятное развлечение.

Биана бросилась в густую листву деревьев, но как только её скрыли тёмные, влажные от ночной росы, ветви, замерла. Она стояла тихо, слившись с темнотой, даже дышать перестала, и

часто бьющееся сердце в одно мгновение замерло, затихло. Девушка лихорадочно вспоминала заклинание, которое много раз повторяла в детстве во время игр с Фреей и подружками. Но тут же поняла, что это заклинание, которое они использовали в детстве, чтобы стать невидимыми ни несколько секунд, не поможет. Потому что Демоны — существа иного плана. Они видят мир не глазами, а через восприятие энергий. Классический оптический обман скроет Биану от человека, но демон легко заметит во тьме яркое, золотое свечение её ведьминской души. Нужна была секундная, хлесткая стихийная магия, использующая то, что есть вокруг: ночь, луну и деревья. Биана прижалась спиной к прохладной коре дерева и поймала взглядом бледный луч луны. Юная ведьма решила использовать Магию Слияния со Стихиями. Чтобы обмануть чувства демона, ей нужно было не просто стать прозрачной, а «погасить» человеческое тепло и временно притвориться частью живой природы, которую демоническое зрение считает нейтральной.

Сжав в ладони лист апельсина, она быстро, на одном дыхании, выдохнула скороговорку:
Лунный свет, смой живое тепло,
Время ночи во мглу утекло.
Росной каплей в листе растворюсь,
В теле дерева я затаюсь!

Сейчас пройдёт минута, и он станет её искать. Главное, не паниковать и выждать. На какое-то время она, благодаря этому заклинанию, сольётся с тенью деревьев на лунной дорожке в саду. Но долго пребывать невидимой она, конечно же, не сможет. Силы её заклинания хватит ровно на сорок секунд, а потом ей придётся убегать, плутать, как загнанной охотничьими собакам лани. А кровожадный охотник идёт по следам. Обострённым слухом Биана различила лёгкий, едва слышимый шорох травы. Так и есть, мужчина отошёл от дерева и направился за ней в апельсиновую рощу. Сейчас главное — не дышать, когда он пройдёт мимо.

Биана замерла. Казалось, всё её тело превратилось в неподвижный ствол дерева, она слилась с тенью, стала темнотой. Лёгкие шаги по траве, у этого мужчины мягкая бесшумная поступь, и впрямь, как у опытного охотника. Вот он проходит совсем рядом в нескольких шагах от неё, и она чувствует тепло его дыхания и ощущает запах его кожи, но он двигается дальше, не заметив её присутствия рядом. Биана нетерпеливо отсчитала до десяти и метнулась назад к тому месту, где они только что стояли и откуда она прибежала.

Мужчина остановился, его чуткий слух уловил лёгкое колебание воздуха. И он, и правда, как охотничий пёс, принялся и бросился назад по невидимым следам беглянки. Но было поздно. Она опередила его на несколько секунд, и когда он поднял взгляд, в тёмном небе, озаряемом большим жёлтым диском луны, на метле летела маленькая ведьма. Её роскошные огненные волосы рассыпались по спине, в них вплелись лучи серебристого лунного сияния, длинная юбка задралась, обнажив изящные ножки в смешных и нелепых полосатых чулках.

Она улетала быстро, стремительно. И это зрелище было так прекрасно и так завораживало, что мужчина не сразу почувствовал злость и досаду.

— Перехитрила. Ведьма, — беззлобно, а даже с восхищением произнёс он, — Теперь мы обязательно встретимся ещё раз.

Жёлтый диск луны мерцал таинственным холодным светом.

Глава четвертая

которая доказывает, что красота спасает мир от хаоса, агрессивные хулиганы превращаются во влюбленных джентльменов, а юный аристократ продолжает изображать романтического преследователя на байке

**«Она несла в себе ту
древнюю магию, которая
заставляет мужчин
безропотно складывать
оружие и покорно следовать
за её тенью»
Уильям Шекспир**

Когда дневной зной наконец отступает, Рим сбрасывает с себя оцепенение и начинает дышать. Раскаленный за день асфальт и древние травертиновые мостовые отдают тепло прохладному вечернему воздуху. Небо над куполами соборов окрашивается в глубокие оттенки охры, терракоты и нежного фиолета. Плотный, разогретый солнцем воздух сменяется легким бризом, обостряя чувства. Ярко-розовые и маджентовые гроздья цветов, свисающие с карнизов старых домов в сумерках кажутся светящимися. Их сладковатый, слегка терпкий аромат смешивается с нотами крепкого эспрессо и разогретой сосновой хвои пиний.

Солнечный свет сменяется мягким сиянием старинных фонарей, отбрасывающих длинные художественные тени на стены цвета выгоревшего золота. Во всех уголках оживает прохладный гул фонтанов, несущий спасительную свежесть на пустынные площади.

Шум машин затихает, уступая место звону бокалов на открытых террасах Трастевере и неспешным шагам по брусчатке. В этот короткий час между днем и ночью Рим кажется не декорацией, а живым существом, застывшим в вечной красоте.

Биана вышла из кофейни «Корица и полночь» легкой, летящей походкой, едва касаясь брусчатки, а подол её легкого воздушного платья колыбался в такт шагам. Вслед за ней из дверей вырвался густой аромат свежей ванили, корицы и едва уловимый, колдовской запах сушеной лаванды.

Чуть поодаль, прячась в густых вечерних тенях, медленно катился тяжелый байк. Парень на мотоцикле не сводил с неё глаз, сдерживая рёв мотора до едва слышного, ленивого урчания. Он держался на расстоянии, боясь спугнуть это завораживающее видение, и просто любовался тем, как закатное солнце целует её светящиеся волосы.

Она шла впереди — легкая, изящная, в развевающемся платье. Каблучки её туфель не издавали ни звука, словно на наступала не на брусчатку, а на мягкий ковёр. Огненные волосы горели ярким пламенем на фоне выцветших, треснувших от времени терракотовых стен и древних, потемневших от вековой пыли арок.

Андреас держался на расстоянии. Его байк катился почти бесшумно, на самых низких оборотах, с выключенными фарами. Тусклый свет редких уличных фонарей отражался от черного визора его шлема. Под плотной кожаной курткой и глухой мотоциклетной маской его изуродованное лицо горело от волнения.

Парень на байке едва удерживал равновесие, медленно перебирая ногами по асфальту, его пальцы замерли на рычаге газа, а мир вокруг сузился до этого невероятного зрелища. Он видел, как от её шагов оживает уставший город, и понимал, что за визором своего шлема наблюдает рождение настоящей, необъяснимой магии. Сердце за глухой кожаной курткой забилось в непривычном, рваном ритме, подчиняясь такту её легких шагов. Его больше не волновал

рѐв мотора под расплывающимся закатным небом, все мысли заполнил этот невозможно прекрасный, пахнувший лавандой и карамелью силуэт. Ощущение, которое испытывал Андреас, глядя ей вслед, было сродни тому, как после долгой зимней стужи лицо вдруг обжигает первое, по-настоящему горячее весеннее солнце.

Визор шлема казался парню лишней преградой, отделяющей его от этого оживающего на глазах, расцветающего мира. Парень улыбался за тёмным стеклом визора, понимая, что этот вечер и эта странная, прекрасная незнакомка уже лишили его покоя.

Вокруг неё словно менялась реальность. Уличные фонари загорались на мгновение раньше, а лепестки цветов с балконных клумб тянули соцветия в её сторону.

Они углубились в лабиринт старых узких улочек. На Виа Роза стены домов густо оплетались бугенвиллеями. Фиолетовые и алые лепестки устилали мостовую.

Она шла вдоль старой каменной стены, густо заросшей пышными, ярко-пурпурными цветами. Девушка едва касалась их тонкими пальцами, и увядшие на полуденном зное цветы на балконных ящиках и в уличных вазонах мгновенно расправляли лепестки, наливаясь сочным пурпуром и золотом, и источали тонкий сладкий аромат.

Сухие травинки между камнями мостовой зеленели прямо на глазах, будто омытые невидимой утренней росой.

Бродячие кошки — от холеных рыжих любимцев лавочников до поджарых дворовых котов — замирали при её приближении, синхронно вытягивали шеи и провожали её долгими, завороченными взглядами.

Но взгляд Андреаса приковало другое. Свет фонаря падал прямо на девушку, но на стене позади неё... не было тени. Силуэты цветов колыхались на камнях, а её тонкая фигура оставалась прозрачной для света, словно она сама была соткана из лунного сияния. Андреас похолодел от этой мистической странности.

Но чувство Андреаса было настолько острым, что у него перехватило дыхание от одной лишь мысли, что она может свернуть за угол и исчезнуть.

Парень физически ощущал шлейф магии, который она за собой тянула, и ему отчаянно хотелось пересечь эту невидимую черту. Он больше не был тайным наблюдателем, этот безмолвный вечер связал его по рукам и ногам, заставив следовать за огненными волосами куда угодно.

Внезапно идиллическую тишину вечера разрезал резкий, агрессивный крик. Впереди показался глухой тупик старого квартала, откуда доносились звуки потасовки — глухие удары, яростный хрип и матерная ругань. Андреас напрягся. Там шла жестокая, беспощадная драка. Трое парней сошлись в слепой, звериной ярости, где каждый был сам за себя и врагом для всех. Воздух накалился от агрессии.

Это не было избиением слабого — парни дрались на равных, калеча друг друга с ужасающей эффективностью. Один из них с размаху загнал кулак в челюсть соперника, отчего тот отлетел на стену, сплевывая кровь, но тут же, перегруппировавшись, бросился вперед и нанёс удар наотмашь по почкам третьего. Последний, взревев от боли, схватил первого за волосы и с хрустом впечатал его лицом в колено. На мостовую брызнула темная кровь. Озверевшие, тяжело дышащие, они кружили в этом кровавом треугольнике, нанося удары ногами и локтями в лицо, в живот, в ребра. Их лица были искажены дикой, первобытной ненавистью, они уже не контролировали себя, готовые забить друг друга до смерти.

Андреас в панике рванул руль, собираясь взречь мотором и выскочить вперед, чтобы защитить девушку, которая шла прямо в этот ад. Сердце колотилось в горле. «Назад! Уходи оттуда!» — мысленно кричал он.

Но девушка даже не замедлила шаг. Она шла прямо в эпицентр этого безумия. Её зеленые глаза в полумраке вспыхнули потусторонним, изумрудным светом.

И тут время словно замедлилось.

Когда подол её платья взметнулся рядом с дерущимися, один из парней занёс руку для очередного сокрушительного удара. Кулак так и застыл в воздухе.

Девушка лишь скользнула по парням мимолетным взглядом и спокойно прошла мимо. От неё не исходило молний, она не шептала заклинаний. Но вокруг неё волной разошлась невидимая, плотная аура абсолютного, звенящего умиротворения. Этот импульс был настолько сильным, что Андреас, стоявший поодаль, почувствовал, как утихла вечная боль на изуродованном лице, спрятанного за глухим шлемом.

Ярость парней испарилась в долю секунды, будто её сожгло чистым светом. Тот, кто только что со звериным оскалом ломал чужие кости, замер с полуоткрытым ртом. Их бешеное дыхание мгновенно выровнялось. Лица, секунду назад бывшие оскалами ненависти, разгладились, став чистыми и невинными.

Вся троица замерла на месте, обратившись в живые изваяния. Окровавленные, покрытые ссадинами лица, повернулись вслед за удаляющейся девушкой. В их глазах больше не было зла. Там вспыхнуло, затопив разум, благоговейное, абсолютное обожание. Их лица разгладились, а злые оскалы сменились детским, глуповатым недоумением. Парни смотрели на прошедшую мимо них девушку как на божество, забыв о драке, о боли, обо всём на свете.

Тот, кто секунду назад сжимал кулаки, теперь медленно опустил руки и преданно, по-собачьи уставился на проходящую мимо девушку. В глазах парней, ещё минуту назад горевших пьяной и глупой яростью, теперь читалось благоговение, граничащее с религиозным экстазом. Они синхронно, как по команде, повернули головы вслед за её летящим силуэтом, не смея сделать ни шага навстречу, словно перед ними шла сама Мадонна.

Она обернулась. В полумраке её глаза не просто отражали свет — они светились собственным, холодным серебром, а внезапно появившиеся тени у её ног жили своей жизнью, переплетаясь в неестественные узоры. В этот момент он всё понял. Это не была храбрость или удача. Это была сила, перед которой сталь и мускулы — лишь пыль.

Девушка пошла дальше, больше не обращая внимания на парней. Она привыкла к тому, что её магия обезоруживает мужчин за долю секунды. Пьяные хулиганы продолжали стоять в пыльной подворотне, полностью забыв, из-за чего вообще началась их глупая жестокая драка. Все трое стояли в одном ряду и все они вместе, как замороженные, провожали взглядом удаляющуюся от них девушку.

Наблюдавший за этим мотоциклист почувствовал, как к его обожанию примешалось жгучее чувство ревности. Андреасу не хотелось делить это зрелище ни с кем. Парень крепче сжал руль байка, понимая, что эти трое уличных бойцов прямо сейчас испытывают ровно то же самое, что и он сам под глухим шлемом.

Весь переулочек теперь был полон мужчин, пойманных в невидимые сети юной ведьмы, и никто из них не желал спасения из этого плена.

Девушка удалялась легко и красиво, даже не повернув головы в их сторону. Стук её каблучков по брусчатке звучал мягко, как шёпот ночного ветра.

Как только незнакомка исчезла за углом переулочка, морок начал рассеиваться. «Она ведьма, — догадка пронеслась в его голове оглушительной, ослепительной вспышкой. — Мой бог, она не просто человек. Она колдунья».

Андреас сидел на байке, оцепенев от шока. Пальцы на руле дрожали.

И то, как она остановила драку, раскрывает суть её колдовства. Она не использовала боевую магию или заклинания. Это была магия гармонии, очарования и умиротворения. Она излучает такую мощную ауру жизни и покоя, что любая агрессия рядом с ней мгновенно нейтрализуется. Парни застыли, потому что их разум заполнил абсолютный, благоговейный покой.

И если изначально он видел в незнакомке хрупкую, невинную девушку, то теперь осознал, что она обладает силой, способной подчинять людей. Она опасна, но она — его единственный шанс перестать быть монстром.

Шок сменился сумасшедшей, отчаянной надеждой, от которой перехватило дыхание. Если её магия способна за секунду исцелить человеческую душу от первобытной ярости, если от её прикосновений снова цветут увядшие цветы... значит, она — та самая сила, о которой говорила Альмира и которая способна разрушить вековой мрак его семьи. Именно она может снять с него проклятие и вернуть ему человеческое лицо.

Но как к ней подойти? Ему нужно понять, как с ней заговорить, не напугав и самому не попав под её чары.

*Рёв движка разрезает вечерний туман,
Андреас жмет газ, замыкая капкан.
Он идет по следам, он играет с огнём,
Только план его рушится к черту живьём.*

*Кулаки опустились, заглох грязный крик,
Каждый боец в обожании сник.
Бывшие волки застыли впотьмах —
Слепая покорность в разбитых зрачках.*

*Байк не спасёт, этот омут глубок.
Парень, глуши свой мотор. Это рок.*

Глава пятая

мрачная и мистическая, в которой разбиваются иллюзии, читатель узнает о трагедии проклятой души, и на ночном небосклоне пробуждается Черная Луна

*«Ужасен этот мир, где маски-
все лица,
где зеркало — палач, а истина —
темница»*

Шарль Бодлер

Тяжелая рама из потемневшего серебра безмолвно хранила тайны покоев, когда юный аристократ Андреас Скифани неторопливо подошел к старинному венецианскому зеркалу. Его пальцы, унизанные фамильными перстнями с драгоценными камнями, коснулись холодной гладкой поверхности карнавальной маски в пол-лица. Медленное, почти ритуальное движение — и маска была снята.

В старинном зеркале он увидел своё отражение в полный рост. Но только лицо привлекало внимания Андреаса. В ту самую секунду, как он снял маску, отражение исказилось. Безупречная бледная кожа, которой ещё мгновение назад можно было любоваться, на глазах стала усыхать и портиться, покрываясь багровыми бороздами и уродливыми шрамами. Родовое проклятие, черной лентой тлена тянувшееся за его семьей сквозь поколения, вновь заявило о своих правах. Ни один из могущественных целителей, обладавших сильнейшей магией, не смог даже облегчить эти страдания. Ведуны лишь разводили руками, глядя на увядающую молодость юноши.

*Серебро в тяжелой раме помнит каждый твой изъян,
Род Скифани вечно пьян от старинных черных ран.
Ты родился чист и светел, но проклятье ждало час,
Вместо кожи — пепел, пламя, угасанье карих глаз.*

Тяжёлое стекло старинного венецианского зеркала слегка искажало реальность, но Андреас знал: дело не в стекле. Из глубины позолоченной рамы на него смотрело чудовище, в которое он неумолимо превращался. Юный аристократ из древнего, влиятельного рода Скифани коснулся пальцами своей щеки, чувствуя под кожей бугристые, неестественные узлы. Древнее проклятие ведьмы, когда-то наложенное на их семью, снова собирало свою жатву.

Висевшее на этой стене зеркало отражало всю его жизнь с того момента, как он научился ходить и впервые спустился в холл. Вся его короткая, полная страдания жизнь, пронеслась перед внутренним взором.

Все мужчины Скифани рождались безупречными. Мальчиками они восхищали окружающих правильными чертами лица и благородной бледностью. Но время шло, и проклятие просыпалось, медленно, сантиметр за сантиметром, обезображивая плоть. Андреас заставил себя не отводить взгляд. Он вспомнил отца — величественного, сильного человека, чьего настоящего лица он так никогда и не увидел. Отец всегда носил глухую маску, полностью скрывающую его уродство от мира и собственного сына. И он никогда не садился в столовой вместе с семьей, слуга всегда подавал ему обед в его комнату, в которую он тоже никого не впускал.

Андреас закрыл глаза, и воспоминания перенесли его в детство. Его жизнь началась в уединенной семейной вилле у тихой, подернутой дымкой лагуны. И он знал, что здесь же его жизнь и оборвется. Это родовое гнездо Скифани стало для него одновременно и крепостью, и тюрьмой.

Проклятие рода Скифани не заявляло о себе сразу — оно ждало, пока жертва окрепнет и поверит в обманчивую милость судьбы. Андреас родился совершенно нормальным, прелестным младенцем с чистой кожей и ясными глазами. Однако в их проклятом доме никто не питал пустых надежд. Вся семья знала, что это временно. С каждым годом взросления, шаг за шагом, его лицо неумолимо менялось, обретая те самые отталкивающие, уродливые черты, которые веками клеймили мужчин его крови. Никто из них не доживал и до сорока лет, и отец Андреаса покинул этот мир к тридцати восьми годам, избавив его мать от мучений и оставив восемнадцатилетнего сына один на один с огромной финансовой империей, во главе которой тот должен был встать. На стенах поместья не висело ни одного портрета потомков Скифани.

Каждое поколение Скифани решало проблему продолжения рода по-своему, ведь древний род должен был продолжаться, несмотря на гниль, пожирающую их плоть. Браки заключались исключительно по холодному расчету или с помощью изощренного обмана.

Семейные хроники хранили мрачные предания. Прадед Андреаса, чей лик был полностью изуродован болезнью, пошел на отчаянный подлог. На помолвку вместо себя он прислал молодого, статного юношу, которому заплатил большую сумму денег. Несчастливая невеста, ослепленная красотой подставного жениха, подписала брачный контракт, а истинное лицо своего супруга впервые увидела лишь в полумраке спальни во время первой брачной ночи, когда пути назад уже не было.

История родителей Андреаса была иной, но не менее трагичной. Его мать вышла замуж за графа Скифани вовсе не по любви, а от безысходности. Она была родом из захудалой, голодающей деревни в Кампании. Нищета сломила её семью, и родители, доведенные до отчаяния, сами продали юную дочь богатому чудовищу, закрыв глаза на его внешность ради постоянно пополняющегося счета в банке.

Дурная слава о доме Скифани ходила давно. Соседи крестились, проезжая мимо их виллы, а за ужином шепотом пересказывали жуткие истории о проклятых аристократах. Андреас рос, зная каждую из этих легенд, и теперь, глядя на свое увядающее отражение, понимал, что стал полноправной частью этой зловещей семейной истории.

Горькая ухмылка на мгновение исказила изувеченные губы Андреаса. В отличие от предков, он обладал тем, чего им всегда не хватало — непреклонной гордостью. Андреас Скифани твердо решил, что не пойдет по пути трусливого обмана, как его прадед, и не станет покупать чужую юность за золото, как его отец. Юноша не хотел брака по расчету. На нём, судя по всему, славный и одновременно проклятый род Скифани и закончится. Древнее проклятие спустя века наконец-то достигнет своей финальной цели, но юноша найдет в себе силы принять это. Что ж... по крайней мере, он навсегда оборвет эту цепочку взаимных мучений, лжи и сломанных судеб.

Однако его решение устраивало далеко не всех. Его мать, которая теперь жила отдельно в Милане, не пожелав делить с сыном мрачное затворничество на роскошной вилле, была категорически против. Она регулярно присылала гневные и умоляющие письма, требуя от Андреаса одуматься и найти невесту.

Мать пугало не только угасание их крови, но и судьба огромной империи Скифани. Если Андреас уйдет, не оставив наследника, колоссальный бизнес останется без жесткого управления. Мужчины их рода веками обладали редким, почти мистическим талантом вести дела и стремительно обогащаться, словно судьба компенсировала внешнее уродство невероятным деловым чутьем. Оставить эти богатства на растерзание стервятникам — конкурентам для графини Скифани было немыслимо.

Именно здесь, под крики чаек и плеск воды, проклятие заявило о себе первыми пугающими изменениями. Когда скрывать болезнь стало невозможно, обычная жизнь закончилась. Вместо душных классов престижной школы началось домашнее обучение — учителя приезжали на виллу, давая обеты молчания.

Чтобы мальчик не сошел с ума от одиночества в пустых залах виллы, родители подарили ему двух щенков кане-корсо. Эти мощные, преданные псы выросли вместе с ним. Они были единственными существами, которые любили Андреаса любым, никогда не отводя глаз от его меняющегося лица.

Теперь он жил в абсолютном, глухом уединении. Единственными живыми душами, которым Андреас без страха доверял своё истинное лицо, остались два его преданных кане-корсо. Огромные псы с понимающими взглядами сидели у ног своего изувеченного хозяина, охраняя его покой и ту страшную тайну, что скрывалась за стенами роскошного особняка.

*Два кане-корсо — твои верные тени,
Они не предадут, не падут на колени.
Ты не хочешь обмана, как прадед когда-то,
Пусть заглохнет твой род, если это расплата!*

Единственным спасением стала сделка с ведьмой Эльмирой. Цена была высока — добрая половина фамильного богатства Скифани перешла в руки колдунье. Взамен Андреас получил эту маску. Но магия ведьмы имела строгие, безжалостные границы. Чары скрывали его безобразие ровно на один час в сутки.

Андреас открыл ящик комода и достал карнавальную маску, закрывающую ровно половину лица. Шедевр лучших мастеров, доработанный колдуньей Эльмирой. Известная своими тайными знаниями, Эльмира наложила на маску сильные чары. Когда Андреас надевал её, магия иллюзии на один час возвращала ему прежний, абсолютно нормальный и красивый облик. Всего шестьдесят минут свободы, за которыми следовала ещё более горькая реальность.

Он вырос, и этот час иллюзии стал для него слишком мал. Тогда в его жизни появился мотоцикл. Тяжелый, мощный байк стал его главным спасением. Пряча лицо за темным стеклом закрытого шлема, Андреас выезжал на пустынные дороги у лагуны. На бешеной скорости, когда ветер резал куртку, он наконец-то мог вообразить себя самым обычным, нормальным, крутым парнем, у которого впереди целая жизнь, не скрытая масками.

Смерть отца настигла Андреаса внезапно, когда парню исполнилось всего восемнадцать. Жестокая плата за проклятие Скифани заключалась не только в уродстве — мужчины их рода редко доживали до сорока лет. Юноше пришлось мгновенно повзрослеть и взять на себя управление огромной семейной империей.

Первое заседание совета акционеров должно было закрепить его статус главы компании. Андреас вошел в просторный, залитый светом конференц-зал, и по рядам чинных, благовоспитанных синьоров пронесся приглушенный вздох изумления. Вместо строгого дресс-кода молодой преемник предстал перед ними в изящной, но пугающе неуместной карнавальной маске на пол-лица. Шепот осуждения затих, как только Андреас заговорил — в его голосе звучала фамильная твердость, но сам он едва удерживал контроль над собой.

Пока синьоры вчитывались в отчеты, Андреас лихорадочно, с нарастающей паникой следил за стрелками массивных настенных часов. Секундная стрелка безжалостно отсчитывала драгоценный час магии Эльмиры. Чары таяли. Андреас чувствовал, как под гладким фарфором маски кожа начинает зудеть, а иллюзия нормального лица готова вот-вот осыпаться прахом.

Время вышло. Андреас резко поднялся с места прямо посреди чужой речи. Синьоры возмущенно вскинули головы, но юный Скифани уже шагал к выходу. Словно по отрепетированному сценарию, преданные телохранители мгновенно сомкнули ряды. Их широкие, массивные

спины образовали живую стену, полностью закрыв Андреаса от любопытных взглядов акционеров. Он успел скрыться в лифте за секунду до того, как магия окончательно развеялась, и уродство вернулось на его лицо.

Этот шокирующий визит стал первым и последним выходом Андреаса в свет. С того дня правила игры изменились. Юный глава корпорации Скифани больше не покидал своего убежища. Все важные деловые переговоры, подписание контрактов и встречи с партнерами отныне проходили исключительно на уединенной вилле у лагуны — на его условиях, в полумраке старинных залов, где хозяин мог диктовать свою волю, не боясь неумолимого бега часовых стрелок.

Осознание того, что его земной срок неумолимо истекает и он вряд ли перешагнет порог сорокалетия, породило в Андреасе яростную, почти болезненную жажду жизни. Если судьба отмерила ему так мало, он намеревался забрать у этого мира всё, до последней капли, не считаясь с затратами.

Первым делом он потешил свою страсть к скорости. По его заказу лучшие инженеры Европы собрали уникальный, самый дорогой в мире байк. Матово-черный монстр, каждая деталь которого была подогнана под анатомию Андреаса, развивал безумную скорость. На нем молодой Скифани буквально улетал от своих мыслей, растворяя страх перед будущим в реве мощного двигателя.

Но адреналина на ночных трассах лагуны быстро стало мало. Андреасу требовалось нечто более острое, порочное, способное заглушить постоянную экзистенциальную тоску. Так он нашел закрытый, элитный тематический клуб для ценителей тайных оргий. Это место казалось созданным специально для него: строжайшая конфиденциальность, избранная публика и, главное, абсолютная анонимность. Появление клиентов в масках здесь было не просто нормой — оно являлось частью культа и никого не удивляло. В этих полутемных залах, залитых багровым светом, среди кожи, латекса и шелка, Андреас наконец-то чувствовал себя равным среди равных.

Под покровом ночи и маски он предавался самым изощренным удовольствиям. Однако над ним по-прежнему довлело проклятие. Из-за чар колдуньи Эльмиры его личные оргии никогда не длились дольше часа. Ровно шестьдесят минут он мог быть альфа-самцом, безупречным господином или желанным любовником, прежде чем магия иллюзии начнет таять. Ему приходилось исчезать на пике праздника, внезапно и стремительно, оставляя красивых женщин в полном недоумении.

Но очень скоро пришел пресыщение. Роскошь, доступные женщины, подчинение и контролируемая боль — всё то, что обычным людям казалось вершиной порочного блаженства, для Андреаса превратилось в пресную рутину. Искусственный рай, ограниченный жестким часовым таймером, больше не спасал от внутреннего холода. Порочные ночи наскучили ему так же быстро, как когда-то чопорные заседания акционеров. Настоящая жизнь, свободная от масок и страха перед зеркалами, по-прежнему оставалась для него недостижимой.

Разочарование в покупных удовольствиях наступило внезапно и бесповоротно. Андреас понял, что фальшивая страсть за деньги лишь сильнее обнажает его внутреннюю пустоту. Он навсегда закрыл для себя двери элитного клуба, окончательно замкнулся в стенах виллы и перестал искать спасения в пороке.

Молодой аристократ ушел в добровольное затворничество. Большую часть дней он теперь проводил в огромной семейной библиотеке, среди пожелтевших страниц старинных фолиантов и запаха вековой пыли. Именно здесь, в звенящей тишине, среди чужих мыслей и судеб, в нем неожиданно проснулся собственный поэтический дар. То, что копилось в душе годами — боль от уродства, страх ранней смерти, тоска по неслучившейся любви — внезапно начало облекаться в безупречные словесные формы.

Одиночество обострило его чувства. Лишенный возможности общаться с людьми, Андреас часами сидел у высокого окна, погруженный в созерцание. Перед его глазами расстилалась туманная лагуна, меняющая цвет от нежно-серого на рассвете до иссиня-черного по ночам, и прекрасный сад виллы, где вековые деревья шептались о тайнах рода Скифани.

В его голове, запертой в изуродованном теле, рождались удивительно красивые, чистые и меланхоличные образы. Поэзия стала его новой маской, но на этот раз — живой и настоящей. В своих стихах он больше не был монстром или инвалидом времени, ограниченным шестьюдесятью минутами чар Эльмиры. В строчках, лежащих на дорогую бумагу, он обретал истинную, абсолютную свободу, которую у него не могло отнять даже родовое проклятие.

Параллельно с поэзией Андреасом овладела новая, лихорадочная идея. В потайных комнатах огромной библиотеки, среди покрытых плесенью старинных манускриптов и запретных гримуаров, он пытался отыскать хоть малейшее упоминание о способе снять фамильное проклятие. Он читал до кровавых кругов в глазах, переводил тексты с латыни и древнегреческого, но находил лишь описания чужих смертей. Манускрипты молчали.

Шестьдесят минут иллюзорной нормальности — слишком мало для полноценной жизни. Именно поэтому молодой Скифани практически полностью отгородился от внешнего мира. Он никогда не покидал пределов своего поместья, а все важные переговоры с деловыми партнерами перенес на территорию виллы. Молодой мужчина научился быть жестким и стремительным в делах, чтобы успевать завершить любые встречи до того, как невидимые часы отсчитают последнюю спасительную минуту.

*Ведьма Эльмира забрала твое золото,
Дав тебе маску из хрупкого олова.
Ровно на час! Слышишь? Время пошло!
Спрячь своё чудище, если светло.
Ровно на час ты безупречен и крут,
Но стрелки часов беспощадно бегут...
Вспыхнет лицо, запульсирует ирам —
И ты возвращаешься к своим псам.*

Несколько месяцев назад юноша в полном отчаянии снова отправился к той, кто когда-то заговорил его маску — к ведьме Эльмире. Андреас упал перед ней на колени и пообещал отдать все свои колоссальные богатства, замки, земли и счета империи Скифани, лишь бы она вернула ему человеческое лицо и нормальную жизнь. Но могущественная колдунья лишь горько усмехнулась. Вместо четкого рецепта она дала туманный, едва уловимый намек: спасение нужно искать у юной совсем неопытной ведьмы.

Андреас искренне удивился, и в его душе вспыхнул гнев, смешанный с горьким скептицизмом. Это казалось нелепостью. За последние годы он объездил весь мир в поисках спасения. Он тайно посещал Марракеш, где общался с сильнейшим заклинателем огня, способным выжигать чужую порчу. Он молился в Индии, пройдя через самые сакральные, древние места силы. Лучшие, могущественные маги планеты разводили руками перед черной вязью его проклятия и ничем не могли помочь. И теперь Эльмира утверждает, что его спасет какая-то девчонка? Юная особа, которую старая ведьма только что мельком увидела в своем хрустальном шаре?

Эльмира осталась непреклонна, заявив, что только невинная магия этой девушки способна сокрушить древний рок. Андреас вернулся на виллу, разрываясь между полным неверием и крошечной, отчаянной надеждой.

Слова Эльмиры не вызвали у Андреаса ничего, кроме глухого раздражения, но отчаянное положение заставило его ухватиться за эту соломинку. Он приказал своей службе безопас-

ности проверить наводку. Лучшие сыщики империи Скифани перерыли архивы, внедрили в закрытые сообщества, отследили сотни потомственных ведьм, гадалок и медиумов по всей Европе. Результат оказался нулевым: никакой молодой и могущественной колдуньи, способной переписать проклятие, среди них не было.

Всё решило слепое, невероятное совпадение. В тот день Андреас, спрятав лицо за тонированным стеклом шлема, бесцельно колесил на байке по Риму. На одной из оживленных улиц, прямо перед ним, гоночный автомобиль сбил на перекрестке молодого парня.

И вдруг появилась рыжая девчонка. Она уверенно опустилась на колени прямо в дорожную пыль и прижала ладони к ране незнакомца. На глазах у ошеломленной толпы произошло невозможное: кровь под её пальцами мгновенно остановилась, а искаженное мукой лицо мужчины разгладилось — боль ушла, уступив место спокойному сну. Андреас, затаив дыхание, видел, как вокруг девичьих пальцев на секунду вспыхнуло мягкое золотистое свечение.

В этот миг до него дошло — хрустальный шар Эльмиры не солгал. Перед ним стояла та самая юная ведьма, которую он так долго и безуспешно искал. Оставалось лишь узнать, кто она.

Каково же было удивление всемогущего аристократа, когда он проследил за ней и узнал, что она работает в крошечной, неприметной кофейне, затерянной среди шумных туристических улочек Рима, где каждый день варила эспрессо для сотен ничего не подозревающих прохожих.

Этот случай перевернул всё его сознание. Андреас с горькой иронией осознал: пока он искал спасение в мистических глубинах Востока, среди древних руин и в тайных оккультных ложах, истинная магия пряталась в самой простой, повседневной жизни.

До этой случайной встречи на римской улице его поиски были масштабными, дорогими и... совершенно не там, где нужно. Ослеплённый своим богатством и статусом, Андреас искал её в закрытых оккультных орденах Европы. Его люди проверяли секретные общества, старинные ковены и эзотерические клубы Парижа, Лондона и Праги, думая, что сильная ведьма обязательно должна принадлежать к тайной элите. Он искал в глухих, отрезанных от мира деревнях, наводя справки через информаторов, он отправлял экспедиции в заброшенные поселения в горах Шотландии, на Балканы и в глубь Румынии, полагая, что сильный дар может созреть только в глуши, вдали от цивилизации. Он искал среди потомственных шарлатанов и медиумов: его служба безопасности тратила недели на проверку модных городских ясновидящих, астрологов высшего света и салонных гадалок, которые лишь тянули из него деньги, не имея ни капли настоящей силы.

Андреас тайно финансировал и проверял закрытые медицинские центры в Швейцарии и Тибете, надеясь найти там одарённых экстрасенсов, работающих в клиниках нетрадиционной медицины.

Он искал древние ритуалы, пафос и громкие имена, а настоящая спасительница просто насыпала кофе в бумажные стаканчики и улыбалась туристам в центре Рима, даже не подозревая, какая великая сила скрыта в её руках.

\$

Вглядываясь вглубь потемневшего стекла, Андреас вдруг замер. Холодный пот прошиб его спину. Ему не показалось. Чем дольше его взгляд цеплялся за собственное отражение, тем стремительнее, словно подстегиваемое ветром пламя, проявлялось уродство. Кожа натягивалась, багровые шрамы наливались ядом, а черты лица искажались с утроенной силой, будто само стекло вытягивало из него остатки человеческого облика.

Откуда вообще взялось это проклятое зеркало? Оно висело здесь, в роскошном холле виллы, на протяжении нескольких веков. Огромное, массивное, закованное в тяжелую золотую оправу, оно не мутнело и не трескалось от времени. Мимо него проходили поколения Ски-

фани. Его прадед, дед, отец — все они заворуженно смотрели в эту бездонную гладь, постепенно превращаясь в чудовищ. И только сейчас, в эту секунду, Андреаса пронзила страшная, очевидная до безумия мысль: зеркало не просто отражало проклятие. Оно им питалось. Оно и было его источником.

Внезапно молодого графа захлестнула волна нестерпимого, удушающего гнева. Ему до судорог, до дикого крика захотелось изорвать, уничтожить, навсегда изгнать из этого дома все до единого зеркала, чтобы больше никогда не видеть своего искаженного лица в их немых безжалостных отражениях.

Не помня себя от ярости, Андреас замахнулся и с силой ударил кулаком прямо в центр проклятого стекла.

Раздался оглушительный, похожий на стон раненого зверя звон. Тяжелое полотно пошло глубокими, рваными трещинами, дробя изуродованное лицо юноши на сотни осколков. Золотая рама не выдержала, подалась вперед, и вековая реликвия рода Скифани с грохотом обрушилась на мраморный пол, разлетаясь вдребезги.

На шум из глубины дома с громким лаем мгновенно примчались собаки. Они тревожно замерли на пороге холла, тихо рыча на сверкающие осколки, в которых, казалось, всё ещё колыхалась густая, зловещая тьма. Андреас стоял над тяжело дышащим прошлым своего рода, а с его разбитых костяшек на белый мраморный пол капала густая темная кровь.

На мгновение среди звонкого эха бьющегося стекла ему показалось, что удушающая тяжесть, сковывающая грудь годами, отступила. Ему показалось, что дышится легче, свободнее, словно с плеч сбросили вековой траурный саван. Сердце Андреаса бешено заколотилось от безумной, внезапной надежды. Неужели всё было так просто?! Неужели источник кошмара лежал вдребезги у его ног?

Но обманчивое облегчение длилось лишь неуловимое мгновение. Уже в следующую секунду реальность обожгла его новой вспышкой тупой, пульсирующей боли. Андреас медленно, с содроганием поднял дрожащую окровавленную руку и коснулся своего лица. Пальцы наткнулись на грубые, безобразные, вспухшие шрамы. Кожа под окровавленной ладонью была горячей. Отметины проклятия воспалялись, наливались багровым огнем и нестерпимо болели от каждого, даже самого легкого прикосновения.

Чудо не произошло. Нет, всё осталось по-прежнему. Разбитое зеркало было лишь свидетелем, но не палачом. Он всё так же безобразен, всё так же заперт в теле монстра, и кровь Скифани внутри него по-прежнему кипела семейным ядом.

Юноша бессильно опустил голову. У его ног в серебряных осколках дробилось безжалостное полуденное солнце, а огромные кане-корсо тихо подошли ближе, уткнувшись мокрыми носами в его ладони, слизывая кровь, словно пытаясь забрать себе хотя бы часть той боли, которую не могла излечить ни одна магия в мире.

И вдруг вспышка ночного светила посреди ясного дня заставила Андреаса вздрогнуть. Зеркало разбилось, но в его разбросанных по мрамору острых осколках вдруг неестественно, вопреки законам природы, отразился холодный лунный свет. На одно безумное мгновение в серебряных гранях самого крупного осколка проступил четкий, пугающий облик Черной Луны — Лилит, мистического светила колдунов и изгнанников. Секунда — и призрачное видение исчезло, оставив после себя лишь обычные блики полуденного солнца.

Что это было? Безумное видение его воспаленного от боли и отчаяния воображения, измученного вечным затворничеством и уродством? Или это был тайный знак к спасению, указующий путь из многовекового тупика?

Символ Черной Луны не мог быть случайностью. Андреас вспомнил туманные речи ведьмы Эльмиры, когда она передавала ему маску. Она упоминала, что её чары сильны, но истинная магия крови подчиняется лишь демонической силе, с которой даже очень сильной ведьме не справиться. Возможно, ведьма намеренно скрыла от него часть правды, чтобы вечно

тянуть из богатого аристократа фамильное золото. Черная Луна в осколках старинного зеркала могла быть подсказкой. Проклятие Скифани связано с астрономическим циклом, и именно в ночь, когда луна полностью скроется во тьме, у него появится единственный шанс разрушить оковы, надетые вековым проклятием.

Юноша опустился на одно колено, игнорируя тихий рык кане-корсо, и осторожно, чтобы не порезаться вновь, поднял самый крупный осколок. Боль в воспаленных шрамах на лице внезапно утихла, сменившись странным, пульсирующим теплом. Андреас понял, что у него больше нет времени просто страдать на вилле. Нужно действовать.

Тяжело дыша, он взял себя в руки и глухим, не терпящим возражений тоном приказал слугам немедленно вынести все осколки и выбросить разбитое зеркало в глубокие воды лагуны. Он требовал, чтобы ни один серебряный осколок, ни одна щепка из позолоченной рамы, ни одна крошка от проклятого стекла не осталась в особняке. Слуги, бледные от страха, принялись за работу, не смея поднимать глаз на уродство своего господина.

Однако, подчиняясь странной, непреодолимой силе, идущей откуда-то изнутри, которая словно вела его руку, Андреас тайно спрятал один осколок — тот самый, крупный, в котором на мгновение застыл лик Черной Луны. Стекло обжигало пальцы сквозь ткань платка, но юноша не мог заставить себя выкинуть его.

Положив осколок в карман кожаной байкерской куртки, Андреас поспешил прочь из душного холла. В сопровождении двух кане-корсо, которые безмолвными тенями следовали за ним, молодой граф вышел вглубь фамильного сада. Сад был ухожен, тропинки тщательно выметены, кусты аккуратно подстрижены, газоны скошены, а клумбы с цветущими лилиями тщательно прополоты от сорняков. Уродливый потомок Скифани не жалел денег, чтобы создавать красоту вокруг себя.

Здесь, вдали от глаз прислуги и чужих вилл, тропинка круто сбегала вниз в самую глубь сада, куда редко заходил садовник, петляя между дикими зарослями мирта и столетних олив, и обрывалась у скрытой от ветров лагуны. Вода в ней всегда была темной и неподвижной, точно жидкое стекло.

Ведомый смутным предчувствием, Андреас сошел с тропы. Он отыскал расщелину в старой каменной кладке под корнями древнего дерева, где солнечный свет никогда не касался земли, и бережно спрятал туда осколок. Едва стекло скрылось в темноте, воспаленные шрамы на его лице перестали пульсировать, а морской бриз принес мимолетную прохладу. Тайник был надёжен. Теперь осколок зеркала ждал своего часа, укрытый в месте, где земля встречалась с водой, и ничто, кроме лунного света, не могло потревожить его тайник.

*Вспышка Лилит. Свет Черной луны.
Осколок запрятан у тихой волны.
Тропа у лагуны хранит этот грех,
Где корни оливы скрывают от всех...
Это безумие? Или твой шанс?
У ведьмы в руках застыл пасьянс.
Шрамы горят, но прохладен причал —
Конец ли семейству? Или начало начал?*

Глава шестая

мрачная и готическая, в которой читатель спускается в семейный склеп Скифани, узнает безотказный способ поймать ведьм, любит цветы на бензобаке и наблюдает, как наш герой превращается в упрямого stalkera в соцсетях.

*«Я преследовал ее повсюду- в толпе,
в тишине комнат, в собственных мыслях,
не в силах разорвать эту невидимую цепь».
Брэм Стокер «Дракула»*

Ветер с залива принёс запах морской соли с йодом, разогретого на полуденном солнце коры дерева и хвои. Но сейчас, когда сумерки медленно стирали дневной свет и тепло летнего дня, приближалось время отчаяния. Но он к этому уже давно привык, и теперь уже не испытывал ничего, кроме тоски и равнодушия.

Молодой Андреас Скифани медленно шёл по бесконечному темному коридору. Шаги его изящных туфель тонули в тишине. Огромные своды дома украшала старинная лепнина, выполненная искусными мастерами прошлого. В темноте она казалась застывшими, причудливыми тенями на холодных стенах.

По обе стороны от него, точно сошедшие с античных барельефов, несмотря на свою массивность, мягко ступали два верных кане-корсо. Андреас удерживал их на тонкой, но прочной серебряной цепочке. Псы двигались бесшумно. Они были сотканы из мускулов и в каждом их движении чувствовалась огромная преданность своему молчаливому хозяину. Собаки чутко ловили каждую эмоцию молодого мужчины, разделяя с ним добровольное заточение.

Андреас, облаченный в безупречный белый костюм, контрастирующий с мраком комнат, остановился у высокого арочного окна. На его пальцах в такт дыханию вспыхивали драгоценные камни, украшающие золотые перстни. В одной руке юноша держал хрустальный бокал, в котором на самом доньшке покачивалось темное терпкое вино.

Он поднял бокал, безмолвно салютуя далекому миру. Там, за темной лагуной, дрожали и переливались огни ночного города. Там кипела жизнь, в которой ему не было места. Лишь глухое, мерное дыхание преданных псов да ленивый, тяжелый шум прибоя за окном нарушали покой этой роскошной тюрьмы.

Андреас надпил крепкое коллекционное вино из бокала и подошел к массивному столу из красного дерева, на котором тускло светил экран ноутбука. Юноше было всего двадцать с небольшим. Его молодая душа отчаянно жаждала жизни, тепла и простого человеческого общения. Там, за черной гладью лагуны, пульсировал другой мир. Там шумели ночные клубы, звучала громкая музыка, смеялись красивые жизнерадостные девушки, а юность бурлила без оглядки на фамильные проклятия. Андреас отдал бы все свои миллионы за один вечер такой легкой, беззаботной жизни.

Чтобы хоть как-то заглушить давящее одиночество, он открыл страницу популярной социальной сети. Юноша ласково потрепал по головам застывших у ног кане-корсо, глубоко вздохнул и занес пальцы над клавиатурой. Настало время создать безупречную иллюзию.

Он придумал себе красивый, таинственный никнейм — «L'Ombra d'Argento». Серебряная тень. В этом имени была и его скрытая во тьме роскошной виллы жизнь, и блеск светящей над очным заливом полной луны. Вместо реальной фотографии Андреас загрузил эстетичный снимок. Это был вид на ночную лагуну из темной комнаты.

Экран моргнул. Профиль был создан, Андреас сделал глоток вина, чувствуя, как внутри разгорается робкий огонек надежды. Впервые за долгие годы он протянул руку навстречу миру, за которым так долго наблюдал лишь издалека.

\$

Ночная прохлада ласково трепала волнистые пряди волос, ниспадающие на плечи, лунный свет оттенял серебром их темно-каштановый цвет. Шаг Андреаса был бесшумным, когда он ступал на землю старинного фамильного некрополя патрициев. Сердце юноши, уставшее от одиночества, трепетало в непривычном волнении. Ещё только вчера он встретил на улице ту удивительную девушку с изумрудными глазами и волосами цвета кленового листопада, а кажется, что его жизнь уже сделала крутой поворот и ожидание чего-то хорошего томительно его бередит, беспокоит, волнует. Его тонкая, измученная душа сразу узнала в ней колдовскую силу. Ему отчаянно хотелось привлечь её внимание, но как? Обычные розы показались бы юной ведьме пошлостью. Нужен был особый, красноречивый знак, который сразу же завладеет её вниманием.

Кладбище дышало сырой землей, вековые кипарисы мрачно возвышались над белеющими в лунном свете надгробиями. Андреас бесшумно, как призрак, скользил между мраморными плитами. Окутанный туманом, он чувствовал себя здесь как дома — среди тишины и забытых историй своих предков. Из темноты на него зашипела потревоженная гадюка, свившая гнездо в корнях куста белладонны. Но стоило Андреасу взглянуть на неё, как змея мгновенно замерла и поспешно уползла в расщелину плиты, словно признав в его глубоком, гипнотическом взгляде силу, которой невозможно не подчиниться.

Юноша с благоговением сорвал иссиня-черные ягоды и бледные колокольчики. Смертоносный сок растения случайно попал на обнажённое запястье сквозь прореху в тонком кружевном рукаве. Андреас лишь слабо улыбнулся. Проклятие, изуродовавшее его лицо, давно сделало его тело невосприимчивым к земным ядам, лишь лёгкое, странное тепло разлилось по венам, возвращая бледной коже здоровый оттенок.

Чуть дальше, у подножия покосившегося креста, он опустился на колени перед зарослями аконита. Сине-фиолетовые соцветия источали сладковатый, удушливый аромат. Когда юноша бережно срезал стебли острием ножа, земля под его ногами глухо вздохнула, и ночной воздух вокруг него на мгновение показался сухим и горячим, будто отголосок далекого, подземного зноя. Полночные тени, плясавшие на склепах, на секунду удлинились и замерли, словно склоняясь перед его волей, а сорванная трава в его ладони послушно перестала колотиться.

Последним штрихом стали бледные, похожие на пальцы мертвеца цветы дурмана, росшие прямо из трещины на плите склепа. Андреас тихо, бархатно рассмеялся, радуясь своей находке. Его голос прозвучал мягко и глубоко, и ночная птица на ветке испуганно смолкла, а легкий ветерок донес едва уловимый, странный гул, похожий на шепот сотен голосом из глубины земли — но этот звук тут же растворился в шелесте листвы.

Букет был готов. Изящное, декадентское переплетение фиолетовых, черных и мертво-белых соцветий завораживало, удерживало на себе взгляд. Андреас бережно перевязал стебли шелковой лентой, сорванной со своих волос. Одиноким романтик, запертый в клетке своего уродства, он искренне верил, что эта жуткая, но прекрасная композиция расскажет юной ведьме о его чувствах лучше самых красноречивых слов.

Обычная девушка, если бы только поняла из каких цветов составлен букет, пришла бы в ужас от такого подношения или выбросила бы его, боясь отравиться. Но истинная ведьма, ведомая природой своей силы, просто не сможет пройти мимо. Она распознает редчайшие, смертоносные компоненты, оценит их идеальную свежесть и непременно захочет узнать, кто

тот безумец, что сумел собрать этот ядовитый кошмар посреди ночи и выжить. Эта утонченная ловушка должна была сработать безупречно и привести её к нему.

\$

Полуденное солнце Рима плавало асфальт и накаляло брусчатку, но внутри маленького уютного кафе «Корица и полночь» в тени пурпурных бугенвиллей пахло прохладой, выпечкой, витал аромат ванили, корицы и свежемолотой арабики. Биана стояла за стойкой, когда уличный шум перекрыл низкий, утробный рокот. Этот звук ни с чем нельзя было перепутать — ревел тяжелый, породистый мотор эксклюзивного «Брафа Супириора».

Девушка бросила взгляд в витрину и увидела, что мотоциклист припарковал своего матово-черного хромированного монстра прямо напротив панорамного окна. Ювелирная точность, с которой он развернул байк, не оставляла сомнений в том, что парень поставил его так, чтобы она видела каждый сантиметр кожаного бака. На нём лежал странный, пугающе красивый букет, перевязанный шелковой тёмно-синей лентой. Высокие, чернильно-фиолетовые свечи аконита, похожие на миниатюрные рыцарские шлемы, бледные фарфоровые чашечки морозника и закрытые бутоны ночного дурмана. От этой композиции веяло опасной, темной и безупречной магией. Ведьминское чутье Бианы внутри испуганно и сладко екнуло.

Колокольчик над дверью звякнул. В кафе вошел он. Высокий, статный, в глухой черной куртке и фуллфэйс-шлеме с наглухо тонированным стеклом. Никаких открытых участков кожи. Лицо — абсолютная тайна, скрытая под маской из углепластика и стекла, кисти рук облачены в черные кожаные перчатки.

— Бонджорно, — раздался из-за визора его глухой, низкий голос, от которого по спине Бианы пробежали мурашки.

Из подсобки тут же вынырнула её тётя Виолетта, приветливо запричитав:

— О, синьор! Рада вас видеть! Что хотите?

— Двойной ристретто, — парень протянул крупную купюру.

Пока тётя Виолетта шумела кофемашиной, Биана поняла, что больше не может сдерживать своё любопытство. Букет за стеклом с редкими травами манил её, как компас манит заблудившегося в лесу. Ей нужен был предлог, чтобы выйти.

— Тетя, я на минуту, полью бугенвиллеи на крыльце, — быстро бросила она, подхватывая небольшую лейку.

Девушка проскользнула мимо молчаливого загадочного незнакомца в шлеме. Ей показалось, что за темным стеклом визора его взгляд выжиг клеймо на её плече. Парень не шевелился, но она кожей чувствовала его пристальное, гипнотическое внимание.

Выйдя на залитую солнцем улицу, Биана подошла к глиняным горшкам с пышными яркорозовыми бугенвиллеями. Она делала вид, что увлечена цветами, но её взгляд был неотрывно обращён на байк. Сердце колотилось в горле. Дурман, согретый полуденным солнцем, уже начал источать едва уловимый, сладкий гипнотический аромат. Это было прямое послание. Ей. От него. Этот мотоциклист без лица знал, кто она такая.

«Я не должна, это безумие», — стучало в голове. Но ведьминские инстинкты, подогреваемые любопытством и восторг перед запретной красотой перевесили страх.

Оставив лейку возле высокой глиняной кадки, Биана дрожащими пальцами вытащила из кармана фартука телефон. Оглянувшись на дверь кафе — незнакомец всё так же неподвижно стоял у стойки спиной к ней, — она быстро навела камеру. Ловя фокус, девушка сделала несколько макроснимков: фиолетовый капюшон аконита на фоне идеального полированного хрома Brough Superior.

Она спрятала телефон как раз в тот момент, когда мужчина забрал свой стаканчик с кофе. Он вышел на улицу спокойным, размеренным шагом истинного аристократа. Не говоря

ни слова, он поставил стаканчик с кофе в держатель, легко перекинул ногу через сиденье байка и завёл мотор.

Перед тем как тронуться, он на секунду повернул шлем в её сторону. Биана замерла с зажатым в руке телефоном. За черным стеклом шлема она не могла видеть его изуродованного проклятием лица, но точно знала, что сейчас он торжествующе улыбается.

«Браф» сорвался с места, оставив после себя шлейф бензина и едва уловимый запах ядовитого дурмана.

Биана открыла свою страницу травницы в соцсети, загрузила фото и принялась писать: *«Мрачный рыцарь привез к моему порогу колдовское знамение...»*

\$

За черными коваными воротами виллы, скрытой в тени вековых пиний за пределами Рима, царила абсолютная, почти осязаемая тишина. В просторном кабинете с высокими потолками не горел свет. Единственным источником сияния был огромный монитор компьютера, блики которого ложились на полированное дерево стола и отражались в холодном металле маски.

У ног молодого мужчины, словно два живых изваяния из обсидиана, безмолвно лежали огромные кане-корсо. Их мощные челюсти покоились на лапах, а умные, преданные глаза следили за каждым мимолетным движением хозяина. Один из псов тихо, сочувственно вздохнул, когда Андреас с трудом перевёл дыхание под маской — родовое проклятие сегодня особенно сильно жгло кожу.

Парень положил ладонь на широкую голову собаки, поглаживая короткую шерсть, а другой рукой коснулся мышки, щёлкнул по ней и открыл поисковую систему соцсети.

Настало время охоты.

Его палец уверенно вбил в строку точечные теги: # Brough Superior, # Brough SuperiorRome, #Trastevere. Он выставил фильтр «За последний час». Система выдала сотни глянцевого снимков Рима, но среди них не было того, что он искал.

Тогда Андреас сузил поиск, введя латинское название ядовитого цветка, который оставил на бензобаке: #Aconitum.

Экран моргнул. Сердце парня пропустило удар. На мониторе появилось фото.

Это был безупречный, глубокий макроснимок. Чернильно-фиолетовый бутон аконита, похожий на зловещий монашеский капюшон, отражался в идеально отполированном хромированном крыле его «Брафа». На заднем плане едва уловимым розовым туманом размывались лепестки бугенвиллеи с крыльца кафе.

Он нашёл её!

Молодой мужчина подался вперед, кане-корсо синхронно подняли головы, уловив изменившийся ритм его сердца. Подпись под фото сообщала: *«Мрачный рыцарь привез к моему порогу колдовское знамение. Шлем дьявола на стальном звере... Тот, кто сорвал этот аконит в утренних сумерках, точно знает, какую силу скрывают его лепестки».*

Его губы под маской тронула бледная, горькая улыбка. Она поняла послание.

С трепетом, который Андреас не испытывал уже много лет, затворник кликнул на аватарку профиля, ожидая увидеть её лицо, её улыбку, её домашние кеды — то, что позволило бы ему стать частью её реальной повседневной жизни.

Он начал жадно листать страницу, и его глаза за маской загорелись исследовательским интересом. Это был завораживающий мир. Биана выкладывала невероятные, мистические композиции. Вот сухие пучки лаванды и полыни, связанные бечевкой на старом деревянном столе. Вот акварельный набросок корня мандрагоры, выполненный с точностью средневекового анатома. Вот разложенные на льняной ткани лепестки диких роз, залитые мягким закат-

ным солнцем. Он читал её рецепты травяных сборов, написанные поэтичным, почти гипнотическим языком, и поражался, насколько глубоко эта юная ведьма чувствует природу. Эта рыжеволосая девушка была живой, чистой, настоящей — полной противоположностью его мрачному, застывшему миру.

Но чем дальше он листал, тем сильнее тяжелое, свинцовое разочарование сжимало его грудь.

На странице не было ни одной её фотографии. Ни единого селфи. Никаких кадров с друзьями из баров, никаких мыслей о том, что её ранит или радует, никакого намека на личную жизнь. Только руки — иногда в кадр попадали её изящные пальцы, испачканные соком трав или зажимающие кисть. Никаких имен, кроме названий растений. Она защищала свой тайный мир так же яростно, как он защищал тайну своей виллы. Это был безупречный, безликий блог травницы, закрытый от личного тепла и любого откровения.

Андреас откинулся на спинку кожаного кресла. Тяжелая тишина кабинета снова сомкнулась над ним. Он нашел её страницу в соцсети, но так и не смог приблизиться к ней самой. Она осталась для него такой же недостижимой, как и в то мгновение, когда он смотрел на неё через тонированное стекло шлема.

Один из кане-корсо поднялся и положил тяжелую морду ему на колено, словно разделяя его одиночество. Андреас медленно закрыл глаза под маской. Впереди была долгая, тоскливая одинокая ночь.

Глава седьмая

в которой звучит очень шумная музыка и ярко светят неоновые огни, продолжается игра в догонялки, и которая наглядно доказывает: чем обаятельнее, опаснее и красивее демон, тем приятнее оставить его танцевать в гордом одиночестве

*«Танец — это самое высшее,
самое прочное из искусств,
ибо он не что иное, как
ускользание»
Поль Валери*

*«Она кружилась призраком
рассвета
и ускользала из его оков»
Крисия Ковальски*

Spazio Novescento, один из самых престижных ночных клубов на юге города, с его огромными танцполами, мощными аудиосистемами и знаменитыми мировыми диджеями, в пятницу вечером был по-настоящему потрясающим. Расположенный внутри исторического Дворца старинного искусства, с белоснежными мраморными колоннадами на входе, которые контрастируют с ультрасовременными лазерными инсталляциями и заполненный до отказа танцполом и знаменитыми на весь мир диджеями, он привлекал к себе молодежь Рима.

Выглядящий строго в стиле неоклассицизма снаружи, внутри Spazio Novescento превратился в футуристическую сказку. Лучи фиолетовых, синих и багровых лазеров разрезали полумрак, отражаясь от стеклянных конструкций и глянцевых поверхностей.

— Здесь потрясающе! — изумлённо крикнула Франческа, пробиваясь сквозь толпу танцующих к массивной барной стойке. Её серебряные серьги-кольца вспыхивали в темноте при каждой вспышке стробоскопа.

Франческа пребывала в полном восторге: она двигалась в такт музыке, и сияла от счастья. Биану же вся эта клубная суeta откровенно утомляла. Ей жутко хотелось сбежать из этого чрезвычайно шумного места домой. Туда, где тихо, тепло и можно заварить ароматный чай с успокаивающими травами.

Пробиваясь сквозь плотную толпу танцующих, подружки наконец добрались до барной стойки. Девушки выглядели контрастно. Франческа одета в обтягивающие кожаные брючки и яркий блестящий топ, гладкие волосы цвета воронова крыла собраны в тугий высокий хвост, высокие каблуки цокают по гладкому полу. На Биане обтягивающее короткое платье яркого кораллового цвета, сидящее на юной девушке безупречно, рыжие непослушные локоны ниспадают пышными огненными волнами по оголённым плечам. По пути к столику парни провожали её восхищёнными взглядами. Биана шла за подругой, искусно делая вид, что абсолютно ничего не замечает. Но она, конечно же, прекрасно видела каждый направленный на неё полный обожания взгляд.

Молодой черноволосый бармен виртуозно жонглировал шейкером. Вокруг него толпились посетители, заказывая популярные коктейли: Негрони, Апероль Спритц, Кампари, джин тоник.

— Два «Негрони», пожалуйста! — потребовала Франческа, подмигнув бармену.

«Негрони», состоящий из джина, красного вермута и Кампари, украшенный долькой апельсина, в меру горький, крепкий и идеально подходящий для долгой ночи, не устроил Биану.

— Мне что-нибудь безалкогольное, — возразила она.

— Только минеральная вода, — с виноватой улыбкой ответил бармен.

— Тогда воду, — попросила Биана, делая вид, что не замечает укоризненного взгляда подруги.

Когда бокал со льдом оказался в руках Франчески, она сделала глоток. Горько-сладкий вкус мгновенно разлился теплом по телу. Подняв глаза к высокому потолку, Франческа демонстративно улыбнулась.

— Ты хоть попробуй как это безумно вкусно.

— Я бы предпочла чай с мелиссой и мятой, — вздохнула Биана.

Пока Франческа наслаждалась вкусом коктейля, её подруга наблюдала за бушующим человеческим морем. Вспышки стробоскопов выхватывали из темноты сотни поднятых рук,двигающихся в едином гипнотическом порыве. Огромный зал Spazio Novescento превратился в единый живой организм, пульсирующий под тяжёлые, обволакивающие басы. Главным шаманом этого безумного неоновой ритуала был диджей. Парень за пультом творил настоящее волшебство, полностью подчинив себе многолюдную толпу. Он идеально чувствовал настроение зала, то замедляя ритм до томительного ожидания, то взрывая танцпол мощнейшим дропом. Он имел абсолютный контроль над публикой, музыкой и настроением и обладал дикой энергетикой. Он не просто крутил треки, он зажигал сам, прыгая за пультом, вскидывая руки вверх и делясь с клубом чистым адреналином. В такт его миксам позади пульта взрывались стеной искр светодиодные экраны, а потоки жидкого азота с шипением вырывались со сцены, охлаждая разгоряченную толпу.

Биана сделала глоток минералки, невольно восхищаясь этим зрелищем. Как ведьма, она остро чувствовала потоки чужой энергии. Диджей без всякой магии, одной лишь музыкой, собирал силу сотен людей в один мощный, экстатический сгусток.

Рядом Франческа уже вовсю танцевала с бокалом «Негрони», полностью растворившись в этом ритме. Биана чуть улыбнулась, продолжая оставаться безучастным, но всё замечающим зрителем на этом празднике чужого транса.

Кульминация трека взорвала зал, и диджей, вскинув руку вверх, бросил быстрый взгляд в толпу. Его внимание мгновенно привлекло яркое коралловое платье и огненно-рыжие волосы. Поймав взгляд Бианы, он широко улыбнулся и задорно подмигнул ей прямо со сцены. Девушка, застигнутая врасплох, невольно улыбнулась ему в ответ.

Но в ту же секунду улыбка сошла с её лица, а по спине пробежал ледяной холод. Воздух вокруг стал тяжёлым, уплотнился, а сквозь экстатическую энергию танцпола пробилась густая, удушливая волна.

Биана резко обернулась в сторону входа и замерла. Чутьё её не подвело. На фоне неоновых огней у дверей стоял он.

В полумраке Spazio Novescento парень выглядел безупречно и опасно: смуглая кожа, точеные, аристократические черты лица и непослушные кольца темных как смоль вьющихся волос, чёрная приталенная рубашка с небрежно закатанными до локтей рукавами контрастировала с белоснежными брюками, которые выделяли его из тёмной толпы. Он был невероятно, пугающе красив.

Очень притягательный, безумно красивый... им можно любоваться, но нельзя подходить. С таким восхищением восторгаются яркой вспышкой молнии на грозовом небе, но приблизиться к завораживающему сверканию — фатально опасно.

Он смотрел неотрывно, прямо на неё, безошибочно поймав и зафиксировав её ведьминскую ауру в этой многолюдной толпе. Биана с трудом сглотнула. Она мгновенно узнала его.

Именно в его роскошный сад она вчера ночью так позорно и шумно рухнула, не справившись с управлением новой метлы. Вчера он не стал нападать, а лишь вальяжно улыбнулся и предложил ей сыграть в прятки.

Биана схватила подругу за локоть и потребовала:

— Пойдём отсюда в другой зал!

Девушка не стала возражать. Она приняла требование Бианы без возражений, ей самой захотелось немного охладиться и отдохнуть после энергичного танца.

Они пересекли зал и скрылись в толпе. Биана с облегчением почувствовала, что тёмная аура её не преследует, демон остался на танцполе.

Перейдя в зал на уровень выше, девушки оказались в более тихом помещении со столиками. Франческа сразу же подозвала официанта и заказала бокал просекко. Биана с облегчением выдохнула, а Франческа принялась без умолку трещать, перебивая музыку. Биана же уныло крутила в руках стакан с минеральной водой. Она бы предпочла сейчас укутаться в тёплый клетчатый плед, заварить чёрный чай с ароматной мятой и пряным чабрецом, гладить своего чёрного кота и слушать переключку ночных птиц в открытом окне, выходящим в маленький сад. Но вместо травяного аромата в воздухе пахло дорогим парфюмом и сигаретным дымом. Юная ведьма только вздохнула, стараясь не показать подруге, насколько томительно себя здесь ощущает.

— Биана, ты просто не представляешь, какой Маттео Ленда красавчик! — Франческа всплеснула руками, — Настоящий Аполлон! А как он на меня посмотрел, когда мы встретились в галерее!

Биана выдавила улыбку и кивнула, делая глоток безвкусной воды. Про Маттео она слушала с небольшими перерывами весь сегодняшний вечер — сначала в машине, потом в очереди на входе, а теперь здесь.

— И самое главное, — Франческа заговорщически наклонилась ближе к уху подруги, обдав её шлейфом сладких духов, — Он пригласил меня в эти выходные на гонки в Монцу! Ты же знаешь, у него своя «Феррари»? Яркая, огненно-красная, как с обложки журнала! Скорость бешеная, мотор ревет так, что сердце замирает! Он обещал прокатить меня по трассе после заездов!

Франческа продолжала восторженно описывать достоинства своего нового парня и технические характеристики его автомобиля, активно жестикулируя. Биана молча смотрела на пузырьки в своём стакане. Ей, привыкшей к тишине старых лесов, шепоту целебных трав и тайным заклинаниям, весь этот пафос, рёв моторов и клубный блеск казались чужими. Она искренне радовалась за подругу, но мысленно уже перебирала баночки с сушеным чабрецом на своей кухонной полке, мечтая о скором возвращении домой.

Внезапно по ногам потянуло леденящим сквозняком, хотя двери клуба были закрыты. Воздух вокруг снова стал осязаемым, тяжёлым и густым, а неоновые огни на секунду показались тусклыми. Сердце ведьмы пропустило удар — это безошибочное чувство чужой, мощной магии она не могла перепутать ни с чем и уже знала, кого увидит, когда обернётся.

И всё-таки она обернулась. У барной стойки стоял тот, кого ожидала и боялась увидеть. Их взгляды встретились. Глаза незнакомца блеснули в темноте неестественным, едва заметным сумеречным отливом. Из темноты бара он наблюдал за ней. В такт неоновым вспышкам клуба его глаза меняли оттенок: от глубокого, почти чёрного сливового омут, где шел безжалостный просчет каждого ее шага, до яркого, электрического фиолетового пламени. Его лавандовые зрачки удерживали ее на невидимом прицеле, искрясь дерзким предвкушением скорой захватывающей игры.

Биану обдало жаром. Демон медленно изогнул красивые губы в хищной, торжествующей усмешке. Он явно не ожидал встретить её в Spazio Novescento, но был чертовски рад этой случайной встрече. В черничных демонических глазах незнакомца вспыхнул знакомый азартный

огонь. Биана поняла без слов: он попытается взять реванш. Он не простил ей того, что прошлой ночью ей каким-то чудом удалось от него сбежать.

Не отводя от Бианы пристального взгляда, он уверенно шагнул вперёд, легко разрезая толпу танцующих людей, и направился прямо к их столику.

В этот момент от соседнего столика отделился высокий симпатичный парень. Набравшись смелости, он направился прямо к Биане, намереваясь пригласить эффектную рыжую девушку в коралловом платье на танец.

Но сделать он успел лишь полшага.

Демон вырос за его спиной словно из ниоткуда. Он не сделал ни одного угрожающего жеста, просто посмотрел на парня в упор обжигающе ядовито-лиловым свечением пурпурных глаз. Сила этого леденящего взгляда была такой, что незадачливый кавалер мгновенно побледнел, резко развернулся и поспешно ретировался обратно к своим друзьям. Демон приблизился к столику с кошачьей грацией, и Франческа мгновенно замолчала на полуслове, уставившись на парня восхищённым взглядом. Её рассказ про Маттео и его «Феррари» вмиг испарился из головы перед лицом этой гипнотической, порочной красоты.

Но незнакомец даже не посмотрел на Франческу. Его наглый фиалковый взгляд был намертво прикован к бледной ведьме. Парень вёл себя невероятно уверенно и нагло. Он подошёл вплотную к их столику, плавно склонил голову и, хищно улыбнувшись, протянул Биане руку.

— Потанцуем? — низкий, бархатный голос демона прозвучал отчётливо, несмотря на грохот музыки.

Биана высокомерно вскинула подбородок, собираясь твёрдо и резко ответить «нет». Но демон, легко читая её намерения по выражению лица, ничуть не удивился отказу. Он чуть наклонился вперёд, оперся ладонью о край стола. Его горячее дыхание коснулось её кожи, а тихий бархатный голос прозвучал как скрытая угроза:

— Если откажешься, я с удовольствием обоснуюсь за вашим столиком. Плотнее познакомлюсь с твоей очаровательной подругой. И во всех красках распишу ей твоё вчерашнее ночное приключение. Думаю, ей будет очень интересно послушать про полёт на метле.

Биана вспыхнула от возмущения. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы подруга узнала о её позорном, неудавшемся полете и крушении в чужом саду. Франческа ведь не сдержится и ещё её сестре расскажет. Фрея потом дразнила бы её до конца жизни!

Внутри неё вспыхнула ярость. От её сердитого, испепеляющего взгляда толстое стекло бокала с коктейлем Франчески, стоявшего на столе, непроизвольно треснуло сверху донизу. Яркая жидкость начала медленно сочиться на лакированную поверхность стола. Демон лишь тихо усмехнулся, заметив это. Его забавляла её злость, а проявление ведьминской силы только разожгло его интерес.

Поняв, что выбора нет, Биана со злостью посмотрела на него, но всё же вложила свою ладонь в его руку.

— Хорошо, — процедила сквозь зубы Биана. Она резко поднялась со своего места, едва сдерживаясь, чтобы не выдать своей паники, — Один танец.

Франческа, переводя взгляд с треснувшего стакана на обворожительного незнакомца, только шумно сглотнула от изумления.

Они вышли в самый центр пульсирующего танцпола. Как только демон положил руку на талию Бианы, между его пальцами и её кожей пробежал мощный электрический разряд, и пространство вокруг них озарилось яркими фиолетовыми искрами. Биана вздрогнула, но отступать было поздно. В ответ она демонстративно положила ладонь на его плечо — из-под её пальцев тут же посыпался сноп сочно-зелёных ведьминских искр.

Толпа вокруг восторженно ахнула. Танцующие пары приняли эту магическую дуэль за красивые клубные спецэффекты и лазерное шоу, начав двигаться ещё энергичнее.

— Что тебе от меня надо? — раздраженно спросила Биана, стараясь говорить тихо, но её голос так и звенел от злости. Она упрямо смотрела ему прямо в глаза, игнорируя то, как близко они стоят.

Демон вёл её в танце уверенно и легко, абсолютно не обращая внимания на летящие от них фиолетовые и зелёные искры. Его лицо оставалось совершенно невозмутимым.

— Ты так быстро сбежала прошлой ночью, — с лёгкой, дразнящей улыбкой ответил он, чуть наклонив голову к её уху, — Оставила меня замерзать в собственном саду. А я, признаться, был бы совсем не против продолжить наше знакомство в более... спокойной обстановке.

Его сиреневый взгляд скользнул по лицу девушки. Вспышки неона заливали танцпол, заставляя её изумительно зелёные глаза сиять колдовским блеском, а длинные, пышные рыжие волосы, разметавшиеся по плечам, казались настоящим живым пламенем.

— Знаешь, — вкрадчиво начал демон, и его низкий, бархатный голос снова прозвучал у самого её уха, — у тебя потрясающие волосы. Огненные. Так и хочется приручить это пламя.

Биана, ни на секунду не сбиваясь с ритма танца, парировала:

— Не советую совать руки в огонь. От моих волос у тебя останутся ожоги, которые не заживут и до следующего миллениума.

Демон тихо усмехнулся, восхищённый её отпором. Его ладонь на её талии сжалась чуть крепче, притягивая ведьму ближе, чем требовали приличия.

— И всё же ночные полёты тебе к лицу, — двусмысленно прошептал он, обдав её дыханием с нотками дорогого алкоголя и горького шоколада, — Пройшей ночью ты так очаровательно согласилась на мою игру. У тебя потрясающий талант прятаться. Я до сих пор под впечатлением.

Биана раздражённо вскинула подбородок, а её зелёные глаза опасно сузились.

— Твоя память тебя подводит. Ты сам самоуверенно предложил мне поиграть в прятки в твоём саду. А то, что ты не смог разглядеть меня под покровом луны — это исключительно твои проблемы. Тебе стоит почаще смотреть по сторонам, а не только на своё безупречное отражение в зеркале.

— Ты назвала меня безупречным, крошка, — его губы довольно расплылись в широкой улыбке, но девушка грубо перебила его, повторив свой вопрос:

— Что тебе вообще от меня надо?

— Ты так быстро сбежала, — с лёгкой дразнящей улыбкой ответил он, наслаждаясь её злостью, — Обхитрила меня в моих же владениях и растворилась в ночи. А мне так понравилось с тобой играть. Это так забавно оказалось. Ты ведь любишь играть по — крупному, малышка?

— Нет. С тобой — нет. Не хочу. Единственное, что я сейчас хочу — это чашка чая с мятой дома, без твоего общества, — отрезала Биана.

Франческа с неотрывным интересом наблюдала, как её подруга и незнакомый красавец плавно двигались под неоновыми огнями танцпола.

— Ческа, вы тоже здесь? — раздался над ухом знакомый голос, перекрикивающий басы, — Не ожидала, что ты сможешь выманить мою сестрёнку из дома.

Девушка обернулась и увидела Фрею. Старшая сестра Бианы выглядела как всегда безупречно, даже в полумраке клуба, облачённая в элегантный брючный костюм цвета мяты.

— Да, сама в шоке! — улыбнулась Франческа и кивнула в сторону танцующей пары, — Она вон с тем парнем. Красавчик, правда? И они так мило беседуют о чём-то и так мило смотрятся вместе.

Фрея проследила за её взглядом, и её карие глаза округлились от удивления.

— Ого, это же Джерард! — воскликнула она, присаживаясь напротив подруги сестры, — Красивый, дерзкий. Он только недавно перевёлся к нам в университет из Беневенто и сразу же вскружил головы всем девчонкам на потоке.

Франческа резко повернулась к ней.

— Из Беневенто?! — ахнула она, едва не пролив очередной коктейль. Она бросила быстрый, взволнованный взгляд на танцпол, где Биана кружилась в паре с Джерардом. Как лучшая подруга молодой ведьмы, Франческа прекрасно знала магическую географию.

— Ну да, из этого старого итальянского городка, — пожала плечами Фрея, не понимая причин такой бурной реакции, — А что тебя так удивило? Он учится на юридическом. И, судя по слухам, у него скандальная репутация. Так что Биане стоит быть с ним поосторожнее.

Франческа нервно сглотнула, не сводя глаз с парня. Мурашки побежали по её спине, когда она увидела, как Джерард слишком собственническим жестом приобнял Биану за талию.

— Беневенто — это же место с тёмным прошлым, — тихо, почти шепотом произнесла Франческа, — Там же то самое ореховое дерево, шабаши...

— Ой, да ерунда всё это. Не верь слухам, — отмахнулась Фрея, в шуме музыки прекрасно расслышавшая тихий голос подруги сестры, — Средневековые легенды для туристов, и ничего больше.

— Фрея, спорим, в его родне точно была какая-нибудь ведьма? Или колдун. У него же на лице написано, что он чертовски непрост!

Фрея лишь рассмеялась, посчитав это забавной шуткой:

— Ой, Ческа, вечно ты ищешь мистику! Он просто смазливый и богатый красавчик.

Магическое напряжение между Бианой и Джерардом достигло пика. По залу прокатилась невидимая волна: на стойке у бармена тревожно зазвенели стеклянные стаканы. Биана отчаянно пыталась сдерживать силу, но у неё плохо получалось. Джерард, понимая это, лишь усмехался. Её ярость и паника его очень забавляли, и он продолжал раззадоривать ведьму, выпитывая её эмоции, такие яркие и вкусные.

Джерард снова уверенно притянул Биану к себе, и как только его ладонь опять коснулась её талии, защитная магия ведьмы в очередной раз сработала мгновенно. Из-под его пальцев с тихим треском вырвался сноп зелёных искр. И снова в безумном неоновом свете клуба никто ничего не заподозрил — танцующие вокруг люди снова восторженно закричали, приняв это за очередные крутые спецэффекты от диджея.

На губах демона снова заиграла дерзкая ухмылка:

— Злишься, ведьма? — прошептал он, снова наклонившись к самому её уху, — Теперь не сбежишь. Наша игра в догонялки продолжается. И знаешь... мне чертовски понравилось.

Биана резко прижалась ладонью к его груди, пытаясь сохранить хотя бы минимальную дистанцию, и ледяным тоном ответила:

— Я не собираюсь с тобой играть. Оставь меня в покое.

В ответ демон лишь самоуверенно и громко рассмеялся, ещё крепче перехватывая её за талию:

— А куда ты денешься, рыжая? Ты мне вообще-то теперь должна. За испорченную прошлую ночь и за мой помятый газон в саду.

— Газон?! — возмутилась девушка, — Да у тебя там не сад, а дикий лес. Всё заросло сорняками и крапивой.

Самоуверенная наглость и его слова задели Биану за живое. Ярость вспыхнула в ней с такой силой, что ведьминская магия моментально вырвалась наружу неконтролируемой волной. В ту же секунду на барной стойке с оглушительным звоном снова жалобно звякнули друг о друга десятки стаканов. На глазах у удивленного бармена пошла трещинами бутылка дорогого красного тосканского вина «Тиньянелло», которую он держал в руках. А у диджея на сцене

мощно забарахлила аппаратура — из колонок раздался резкий, пронзительный скрежет помех. Диджей в панике задёргал рычаги пульта, не понимая, что происходит.

Один лишь Джерард восхищённо смотрел на злую, раздражённую ведьму, самодовольно и весело рассмеялся, ни капли не удивившись её вспышке. Его забавляла её ярость, и он явно наслаждался каждой секундой их противостояния.

Музыка на мгновение затихла из-за помех в аппаратуре, и в зале поднялся недовольный гул. Биана поняла, что это её идеальный шанс. Чтобы обвести демона вокруг пальца, нужно действовать не силой, а ведьминской хитростью. Она резко сменила тактику. Злость на её лице исчезла, уступив место мягкой, обезоруживающей улыбке. Биана чуть подалась вперёд, делая вид, что полностью сдаётся под его напором.

— Ладно, ты выиграл, — выдохнула она, глядя ему прямо в тёмно-фиолетовые глаза и слегка коснувшись ладонью его плеча, — Раз уж я должна... давай встретимся завтра... Без этой суеты.

Демон от такой неожиданной покладистости на секунду потерял бдительность, и его хватка на её талии ослабла. Ловя этот момент, Биана незаметно щелкнула пальцами левой руки за его спиной. В ту же секунду сработал её отвлекающий маневр — прямо за плечом демона с оглушительным треском взорвался огромный сноп ярко-зелёных искр. Джерард инстинктивно отреагировал на шум за спиной и резко обернулся на внезапную вспышку.

Этой секунды Биане хватило, она мгновенно выскользнула из его объятий и бросилась бежать в сторону сцены. Диджей, который всё-таки справился с помехами и снова включил зажигательный трек, сменив томный медленный танец на динамичный ритм, заметил убегающую от парня девушку и решил ей подыграть. Он быстро сорвал со стула свою чёрную спортивную куртку, ловко бросил её девушке, чтобы та скрыла яркое коралловое платье и смешала беглянку с толпой танцующих, и уверенным кивком указал ей на неприметную дверь служебного входа за пультом. Биана на ходу накинула куртку, скрывая предательски яркий цвет платья, юркнула в едва приоткрытую дверь и скрылась в темноте коридоров.

Тем временем демон, развернувшись обратно и обнаружив пустоту, обвёл взглядом танцующую толпу, выискивая в ней яркое коралловое пятно, но не заметил его. Джерард лишь хищно прищурился. Как и прошлой ночью в саду, потеряв её из виду, он не стал паниковать или бежать следом. Вместо этого он, ничуть не смутившись, невозмутимо поправил воротник шёлковой рубашки и спокойно, вальяжной походкой направился напрямик к столику, где сидели девушки.

Приблизившись к столику, он узнал во второй девушке секретаршу из университета.

— Привет, красотки! Фрея, и ты здесь? Какая приятная встреча.

Франческа и Фрея, мгновенно очарованные его безупречной внешностью и уверенностью, так и сияли. Ничего не подозревая о коварных планах своего нового знакомого, они оживлённо заулыбались ему в ответ.

— О, привет, Джерард! Как дела? — весело отозвалась Фрея, едва он приблизился. Из строгой сотрудницы деканата она вмиг превратилась в обольстительную кокетку, грациозно закинув ногу на ногу, стреляя глазками и делая глоток апероля, — А мы как раз думали, что вечер только начинается. Не хочешь продолжить его с нами?

Демон самодовольно ухмыльнулся, принимая приглашение и мысленно предвкушая развлечение. Он вальяжно откинулся на спинку дивана, краем глаза косясь на пустующий служебный выход, и полностью переключил своё внимание на Фрею.

— О, Фрея. Не ожидал встретить тебя вне стен университета, да ещё с такой очаровательной подругой. Выглядишь супер, тебе очень идёт мятный цвет, — демон ослепительно улыбнулся и с абсолютной лёгкостью принял её правила игры. Он пригубил минеральную воду, которую так и не допила Биана, и бросил на Фрею многозначительный взгляд.

С его губ не сходила гипнотическая, располагающая к себе улыбка, а в бокале искрился свежий коктейль. Джерард искусно завязал непринуждённую беседу, шаг за шагом переводя тему на загадочно исчезнувшую Биану.

Фрея, абсолютно очарованная его бархатным низким голосом и аристократичными манерами, сама не ведая, начала выбалтывать все секреты своей младшей сестры.

Сдавая Биану с потрохами, она с оживлением рассказывала о том, что её сестра работает в небольшой атмосферной кофейне «Корица и полночь», что она имеет привычку часто задерживаться там допоздна, возвращается домой в район Казалетто на трамвае номер восемь, но часто, закрывая заведение уже в сумерках, остается после работы ночевать на маленькой мансарде над кафе. Джерарж слушал каждое слово с предельной концентрацией. Он не упускал ни единой детали, лениво помешивая лёд в бокале с коктейлем. Теперь он знал достаточно: место работы, график и маршрут.

В глубине тёмно-фиолетовых глаз демона вспыхнуло алчное, хищное удовлетворение. Теперь у него в руках были все козыри. Игра в догонялки, которую так самонадеянно пыталась прервать юная ведьма, только начиналась, и следующее место встречи было уже определено.

Джерард удовлетворённо кивнул, слушая Фрею, и в глубине его тёмных глаз вспыхнул опасный, предвкушающий огонь. «Что ж, готовься к нашей следующей встрече, маленькая беглянка, — хищно подумал демон, мысленно представляя тёмные, окутанные мистической тишиной переулки старого квартала, — Она будет по-настоящему жаркой».

§

Биана ворвалась в дом, тяжело дыша, и с грохотом захлопнула за собой тяжёлую дубовую дверь. Сердце в груди колотилось как сумасшедшее, а ладони всё ещё покалывало от остатков зелёной магии. Из темноты коридора бесшумно соткалась ещё более густая тень — её фамильяр, угольно-черный кот Джинкс. Он недовольно прищурил огромные жёлтые глаза, вопрошительно и громко мяукнул, учуяв шлейф чужой демонической силы, принесённый хозяйкой с улицы.

— Знаю, Джинкс, знаю, — выдохнула Биана, прислонившись спиной к прохладному дереву и зажмурившись, — Наш ночной знакомый из сада оказался в клубе. И он очень не любит проигрывать в прятки.

Кот понимающе фыркнул, потерся пушистым боком о её тонкую лодыжку, делясь своим успокаивающим теплом, и вальяжно потрусил следом за ней на кухню. В доме царила блаженная тишина, никакого запаха чужого парфюма, раздражающих неоновых всполохов. Только едва уловимый, родной аромат терпких лесных трав.

Биана прошла к плите, даже не включая свет — ведьме вполне хватало мягкого серебряного сияния луны. Джинкс с кошачьей грацией запрыгнул на подоконник, внимательно наблюдая за каждым движением хозяйки и подергивая кончиком хвоста. Сейчас Биане больше всего на свете нужно было успокоить бушующую внутри силу, которая до сих пор заставляла воздух вокруг неё слегка вибрировать и изредка разряжалась зелёными всполохами.

Она набрала в чайник воды и зажгла огонь на конфорке и потянулась к верхней полке старого дубового буфета, где в ровный ряд выстроились глиняные баночки. Биана безошибочно сняла две из них — одну — с сушеной перечной мятой, вторую — с ароматным, пряным чабрецом. Джинкс на подоконнике одобритительно замурчал, учуяв аромат любимых трав хозяйки.

Бросив по хорошей щепотке чабреца и мяты в прозрачный заварочный чайник, Биана залила их крутым кипятком и вдохнула густой, травяной аромат. Магическое напряжение наконец начало отступать. Мысленно она уже видела, как завернется в мягкий теплый плед и заберется с ногами в кресло, а её кот в ленивой и расслабленной позе пристроится рядом.

Юная ведьма сделала глоток долгожданного ароматного чая, и мир снова стал полон гармонии и блаженного покоя.

\$

Рассвет только начал окрашивать небо над Римом в нежно-розовые тона, когда в прихожей оглушительно щелкнул замок. Джинкс, дремавший на коленях Бианы, мгновенно вздернул уши и прыгнул на пол. Биана, так и не уснувшая этой ночью, оставила уже остывшую чашку с остатками мятного чая и вышла в коридор.

В прихожую впорхнула Фрея. Она так сияла от восторга, что, казалось, вокруг неё кружились невидимые блестки. Сбросив туфли на шпильках, она даже не заметила укоризненного взгляда сестры и сурового прищура черного кота.

— Биана, ты просто не представляешь! — с порога взхлеб запричитала Фрея, — Это была лучшая ночь в моей жизни! Того парня из клуба зовут Джерард. Он не просто потрясающе красив, он настоящий джентльмен!

Джинкс недовольно фыркнул и спрятался за ноги Бианы, а у юной ведьмы внутри всё сжалось от дурного предчувствия.

— Представляешь, он вызвался подвезти меня до самого дома! — продолжала восторженно щебетать Фрея, проходя на кухню и наливая себе стакан холодной воды. — Святая Мария! Какая у него крутая тачка! Это не какая-нибудь «Феррари» Маттео Ленцы, это роскошный, черный спорткар, и его мотор рычит как хищный зверь. Внутри пахнет дорогой кожей и... чем-то неуловимо опасным. Я едва дышать не забывала!

У Бианы похолодело в груди. Если он подвёз Фрею до самого их дома, то теперь знает, где она живёт! Девушка молча оперлась о косяк двери, скрестив руки на груди. Ей стоило огромных усилий удерживать лицо невозмутимым.

— И о чем же вы говорили всю дорогу? — как можно спокойнее спросила она.

— О, он оказался таким внимательным слушателем! — Фрея зажмурилась от удовольствия, вспоминая поездку. — Расспрашивал обо мне, о нашей семье. А потом... представляешь, он так мило интересовался тобой! Сказал, что ты показалась ему очень необычной девушкой. Он спросил, где ты работаешь, и я рассказала ему про нашу кондитерскую. Он так оживился! Сказал, что просто обожает изысканные сладости и обязательно заглянет к нам на днях.

Фрея победно улыbnулась, уверенная, что уязвила младшую сестру своим успехом у такого мужчины. Она даже не подозревала, что своими руками сдала демону все карты.

Биана медленно перевела взгляд на Джинкса. Кот смотрел на неё огромными круглыми глазами, в которых блестел медово-желтый огонек. Оба прекрасно поняли, что Джерард начал свою охоту.

*Сорвалась метла в полуночный туман,
И сад незнакомый укрыл твой обман.
Среди темных роз, где безумствует страсть,
В объятия демона можно упасть.*

*«Сыграем мы в прятки?» — шептал его зов,
Но ты ускользнула от этих оков.
И скрылась, оставив лишь призрачный след,
Туда, где неоновый плавился свет.*

*В безумстве ночном, посреди темноты,
В сиянии платья стояла лишь ты.
Но демон нашел, протянул тебе длань:
«Один только танец, шагни через грань...»*

*И сердце забилося от страха в груди,
Но шепчет маэстро: «Убегай, уходи».
Он черную куртку на плечи накинул,
И яркий наряд твой под музыкой сгинул.*

*Укрытая тенью в чужом полотне,
Ты снова исчезла в ночной тишине.*

Глава восьмая

немного поучительная, назидательная и наставительная, в которой читатель узнает о том, как опасно ходить в университет, кое-кому явно следует поучить правило личных границ, а кому-то не следует устраивать сцены ревности на пустом месте

*Пришел из темноты,
Чужой и непонятный,
И поцелуй твой жжжет,
Как уголь благодатный...
Дмитрий Мережковский, поэт Серебряного века*

*«Мы — два листа на дереве одном,
Нас буря общая качает...»
Николай Гумилёв, поэт Серебряного века*

Утреннее солнце палило нещадно, несмотря на ранний час, и каменная мостовая университетского кампуса была горячей. Каблучки на изящных туфельках Бианы стучали по плитам. Девушка толкнула тяжелую дубовую дверь и оказалась в гулком прохладном холе. Биана Маринари не училась в университете, но ей очень нравилось приходить сюда. Ей нравилось вдыхать запах старых книг, слушать, как высокие своды отражают гул сотен голосов. Она шла по просторным светлым и гулким коридорам и наблюдала, как вокруг неё кипит настоящая, насыщенная студенческая жизнь. Мимо Бианы то и дело проходили шумные компании. Студенты громко смеялись, обсуждали предстоящие экзамены, спорили о лекциях и делились планами на вечер. В душе Бианы заворачивалась привычная, тихая грусть, которая заставляла чувствовать девушку случайным призраком на этом празднике юности. Она тоже должна была быть среди них. Должна была сидеть в больших гулких аудиториях, записывать лекции, готовиться к семинарам в библиотеке и пить остывший кофе на перерывах.

Но Биана не училась здесь. И вовсе не потому, что ей не хватало ума или она плохо старалась в школе. В старших классах она училась на пределе возможностей, засиживаясь за учебниками до рассвета.

Всё перечеркнуло банальное и жестокое «нам нужны деньги». Семья Маринари оказалась на грани выживания. Родители, погибшие в автокатастрофе, оставили неоплаченным кредит за кофейню, тетя Виолетта едва сводила концы с концами, пытаясь удержать семью на плаву, но ей требовалась помощь. И о платной учебе или беззаботном студенчестве пришлось забыть. Вместо лекций Биана выбрала труд в пекарне и в кафе. С раннего утра она пропадала на кухне, замешивала тесто, украшала кремом пирожные, пекла булочки. Кафе стало приносить доход, деньги шли в семью, но мечта Бианы об университете так и осталась несбыточной мечтой.

В отличие от младшей сестры, Фрея в университет поступила, когда ещё были живы родители. Но не проучилась и двух лет — бросила. И причина была куда более пикантной и опасной, чем нехватка денег. Сейчас Фрея официально числилась секретарем в деканате, но на самом деле она была тайной любовницей влиятельного мужчины. Их связь была окутана строгой конспирацией, никаких совместных обедов, пересекающихся взглядов в коридорах или двусмысленных сообщений. Опрометчивый шаг стоил бы профессору карьеры, а Фрее — работы.

Но Биана знала, что её сестра виртуозно вела двойную игру. Опасный роман с профессором и жесткие рамки секретности ничуть не мешали ей наслаждаться жизнью. Напротив, постоянный риск словно подстегивал её аппетит к мужскому вниманию. И к тому же в универ-

ситете так много красивых, умных и обаятельных парней. И пока профессор читал им лекции в амфитеатре аудитории, его тайная любовница не скучала на рабочем месте. Фрея умудрялась находить время для легконога, ни к чему не обязывающего флирта.

Парни, заходившие в деканат за справками, так и вились воркуне её стола, очарованные её улыбкой и кокетливым взглядом. Для Фреи этот флирт был глотком свежего воздуха, способом доказать себе, что она всё ещё свободна, желанна, не заперта в клетке тайных унижительных отношений и что она всё ещё сама контролирует свою жизнь.

Биана не успела сделать и трех шагов к приемной деканата. Прямо у дверей, ведущих в кабинет старшей сестры, дорогу ей преградила высокая, до боли знакомая фигура. От неожиданности девушка едва не вскрикнула.

Джерард стоял, небрежно облокотившись о мраморную колонну, словно ждал здесь появления девушки всю жизнь. В безупречном чёрном костюме, который идеально сидел на его мускулистой фигуре, он выглядел чертовски привлекательно и совершенно органично среди старых стен университета.

В его темных глазах плясали опасные искры, на чувственных порочных губах играла торжествующая улыбка, которую Биана так надеялась больше не увидеть. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию между ними до nepозволительного минимума. Наглый, собственнический, сканирующий её с ног до головы взгляд, бархатный, вкрадчивый шепот, от которого у девушки мурашки пробежали по коже:

— Наша игра в догонялки-пряталки продолжается, ведьмочка. Сумеешь ли ты уйти от меня на этот раз?

Сердце Бианы бешено заколотилось в груди. Страх мгновенно смешался с обжигающей злостью. Она сделала шаг назад, оглянувшись по сторонам. Мимо деканата никто не проходил, в коридоре тихо и безлюдно.

— Ты?! Что ты здесь делаешь? — возмущенно и как можно тише прошипела девушка, скрестив рук на груди и пытаясь казаться уверенной.

Джерард тихо, хрипло рассмеялся, явно наслаждаясь её паникой. Он наклонился к самому её уху, обдав теплым дыханием.

— Ты не поверишь, красивая, но вообще-то я здесь учусь, — с предвкушением произнес он, продемонстрировав аккуратную пластиковую карту-пропуск студента Римского университета «Сапиенца».

Биана почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Демон. В университете. Учится? Это оказался полный крах её иллюзии о безопасности.

Джерард не дал ей времени опомниться. Одним быстрым, хищным движением он шагнул вперед, оттесняя Биану с прохода. Секунда — и она оказалась прижата спиной к стене коридора, скрытая от чужих глаз за массивной тенью колонны.

Его сильное, мускулистое тело вплотную вжалось в неё, лишая малейшего шанса на маневр. Биана судорожно вздохнула, и её легкие мгновенно заполнил его аромат — терпкий, глубокий запах морозной хвои, костра и чистой, первородной магии. От демона исходил почти осязаемый жар, который заставил юную ведьму забыть все гневные слова. Сильные руки Джерарда уперлись в стену по обе стороны от её головы, отрезая путь к отступлению.

— У тебя передо мной непокрытый должок, ведьмочка, — прошептал он, дотрагиваясь губами до её виска, и его горячее дыхание опалило кожу, — За побег из сада. За побег из клуба. Пора платить по счетам.

И, прежде чем забрать то, что посчитал своим, Джерард принялся откровенно её дразнить. Его губы едва ощутимо касались уголков её рта, кончика носа, спускались к шее, ощущая её дрожь, сводя неопытную девушку с ума. Биана затаила дыхание. Она никогда не была так близко к мужчине. Разум кричал, что нужно оттолкнуть его, но тело налилось слабостью, а ведьминская магия внутри неё испуганно и сладостно затихла.

И когда сопротивляться предвкушению стало невыносимо, он наконец накрыл её губы своими.

Это был первый поцелуй в жизни Бианы.

Невероятно чувственный, наглый и одновременно глубокий.

Дурманивший коктейль из мужской силы и первобытной страсти полностью парализовали её волю. Джерард целовал так, словно заявлял свои права, заставляя Биану плавиться в его руках и судорожно цепляться пальцами за ткань его безупречного пиджака, чтобы просто не упасть.

Этот поцелуй не имел ничего общего с девичьими грезами о романтике. Это был очень мужской, опытный и требовательный напор зрелого хищника, который привык брать то, что хочет, не спрашивая разрешения.

Джерард абсолютно не считался с тем, что Биана была чиста и невинна. Напротив, её чистота и растерянность, казалось, лишь сильнее разжигали его демонический аппетит. Он действовал жестко и уверенно, полностью подчиняя её себе. Его большие, горячие ладони бесцеремонно и жадно шарили по её телу. Они очертили изгиб талии, собственнически прижали её бедра к своим, заставляя испуганную ведьму ещё острее почувствовать его твёрдость и силу. Его губы с властной жадностью посасывали её нежные губы, заставляя их приоткрыться, и в то же мгновение его горячий влажный язык проник глубоко внутрь, затеявая порочную, дразнящую игру.

Девушка задыхалась. Воздуха катастрофически не хватало, а голова кружилась так, словно Биана летела на метле сквозь грозовую тучу без всякой подстраховки. Внутри неё бушевал настоящий шторм. Сердце колотилось в горле от дикого смятения и первобытного страха самки перед такой агрессивной, непреклонной мужской силой. И в то же время, против воли, её тело отзывалось на этот напор сладостным, пугающим трепетом. На мгновение Биана совсем потеряла связь с реальностью, утонув в дурманищих ощущениях.

Когда Джерард наконец слегка отстранился, его губы были влажными, а темный взгляд горел торжеством победы. Биана тяжело дышала, уцепившись за его плечи, а её искусанные губы опухли и горели от его требовательных ласк.

Массивная дубовая дверь приемной с тихим скрипом распахнулась. На пороге появилась Фрея, но слова застряли у неё в горле. Она ошарашенно застыла, расширенным зрачками глядя на сестру и парня, с которым она флиртовала весь вечер в ночном клубе.

Джерард медленно, с явной неохотой отстранился от Бианы. Однако он не отпустил её совсем, продолжая удерживать руку девушки в своей ладони и небрежно поглаживая её ладонь большим пальцем. На его красивом порочном лице расплылась наглая, торжествующая ухмылка.

Шок Фреи мгновенно перерос в уязвленное самолюбие. Ещё вчера вечером этот мужчина покупал ей коктейли и расточал комплименты, а сейчас он вжимает её младшую сестру в стену прямо напротив деканата. Щёки Фреи вспыхнули пунцовым румянцем, а в глазах зажглись гневные и ревнивые искры.

— Биана?! Возмущенно выдохнула Фрея, делая шаг вперед и нервно сжимая кулаки, — Это что ещё такое?! Ты поэтому так стремительно сбежала вчера из клуба? Чтобы тайно крутить хвостом перед парнем, который весь вечер со мной общался?! Как это понимать? Ты решила у меня его увести?

Для Бианы этот момент стал настоящим кошмаром. Воздуха всё ещё не хватало после сокрушительного поцелуя, губы саднили, щёки горели, а голова шла кругом, а упреки сестры били наотмашь. Она стояла бледная, растрепанная, переводя испуганный взгляд с разъяренной Фреи на невозмутимого демона. Оправдываться, кричать, что Джерард на неё напал, при сестре было бесполезно — Фрея в своей ослепительной ревности сейчас ничего бы не услышала.

Пока между сестрами разгоралась буря, Джерард буквально расцветал. Демоны питаются сильными чувствами, и сейчас для него был накрыт идеальный пир. Он физически ощущал, как воздух вокруг сгущается от низкочастотных вибраций. Жгучая, ядовитая ревность Фреи, её задетое эго и обида смешивались с диким паническим смятением, стыдом и трепетом Бианы. Демон впитывал эту темную энергетику каждой клеточкой своего существа. Он молчал, переводя взгляд с одной сестры на другую, и его темные глаза опасно блеснули. Ему чертовски нравилось быть причиной этого хаоса, ломать чужие жизни и смотреть, как хрупкий мир между сестрами рушится из-за одного лишь его поцелуя.

Джерард решил взять от этого утреннего зрелища максимум. Он не собирался сглаживать углы. Напротив, смакуя каждую каплю девичьих слез и злости, он виртуозно разыграл обе карты сразу. Демон лениво перевел взгляд на кипящую от злости Фрею. Его ухмылка стала ещё шире, а голос прозвучал подчеркнуто ласково, с ядовитой порцией ложной заботы:

— Ну зачем же так кричать, Фрея? — протянул Джерард, слегка приобнимая Биану за талию и собственнически прижимая к себе, — Твоя сестренка просто отдавала мне долг. И, надо признать, сделала это куда слаще и искреннее, чем ты, когда заигрывала со мной в клубе. Она такая... невинная.

Эти слова стали последней каплей. Фрея задохнулась от возмущения, её лицо перекошилось от унижения и ярости.

— Ах ты подлец... — прошипела она, задыхаясь от гнева.

Для Бианы же позор, который сейчас заставлял её испытывать Джерард, стал невыносим. Жгучий стыд, обида на сестру, которая поверила чужаку, и злость на саму себя за минутную слабость хлынули через край. Внутри ведьмы вспыхнула магия. Биана резко, изо всей силы рванула руку, высвобождаясь от хватки демона. Джерард специально разжал пальцы, позволяя ей это сделать.

Биана, не помня себя от паники и подступающих слез, бросилась прочь по коридору. Она бежала, ничего и никого не замечая вокруг, подальше от этого проклятого места, от наглого взгляда демона и испепеляющего взора сестры.

В этот же момент, привлеченный громкими упреками Фреи, из глубины приемной деканата вышел мужчина. Высокий, подтянутый, с благородной сединой на висках и строгим взглядом. Он поправил очки, и на его лице читалось явное недовольство нарушением университетского порядка.

— Синьорина Маринари, что здесь происходит? Что за крики у дверей деканата? — строго спросил он, но, едва заметив стоящего рядом с его женщиной роскошного молодого мужчину, профессор осекся.

Взгляд преподавателя мгновенно потяжелел. Он перевел взор на Фрею, чьи щеки всё ещё горели пунцовым румянцем ревности, а затем на Джерарда. Мужской собственнический инстинкт и многолетний опыт подсказали профессору, что здесь только что разыгралась сцена, далекая от учебного процесса. Он почувствовал угрозу, исходящую от нагло ухмыляющегося студента.

Джерард же, ничуть не смутившись, смерил профессора ленивым, оценивающим взглядом. Демон сразу считал все тайны этой пары. Очередная порция чужого страха, ревности и скрываемой паники Фреи, которая теперь судорожно пыталась вернуть лицу бесстрастное выражение секретаря, наполнила потяжелевшее пространство. Для Джерарда этот день начинался просто великолепно.

Он бросил насмешливый взгляд в сторону профессора и развернулся, направившись к лестнице. Стоило Джерарду лениво удалиться, профессор схватил Фрею за локоть и втащил в пустой кабинет декана, с щелчком заперев замок. Его благородной лицо исказилось от ярости и ревности. Он тяжело дышал, глядя на свою тайную любовницу.

— Кто это был, Фрея?! — приглушенно, но яростно спросил он, нависая над ней. — Какой-то сопляк-студент? Ты понимаешь, чем я рискую ради тебя?! Карьерой, репутацией, именем! А ты устраиваешь дешевые сцены ревности прямо у меня под дверью?!

Фрея впервые видела его таким порывистым и злым. Вся её спесь мгновенно испарилась.

— Валерио, клянусь, это недоразумение! — лепетала она, прижимая руки к груди с тяжело бьющимся сердцем. — Он... он приставал к моей сестре Биане! Я просто заступилась за неё! Между мной и этим парнем ничего нет!

Профессор внимательно вглядывался в её лицо, пытаясь распознать ложь. Страх потерять положение боролся в нем с безумной страстью к этой дерзкой девчонке. На первый раз он заставил себя поверить ей, но атмосфера между ними осталась напряженной. Из университета Фрея уходила, кипя от злости. И виновницей своего унижения она считала только одного человека.

\$

Биана бежала из университета так, словно за ней гнались все гончие преисподней. Слезы застилали глаза, прохожие с удивлением провожали её взглядами, но она не останавливалась, пока не толкнула стеклянную дверь с вывеской «Корица и полночь».

Колокольчик над входом весело звякнул. На Биану хлынул привычный, родной аромат: поджаренный миндаль, растопленный шоколад, теплая ваниль и корица. Здесь, на уютной кухне тети Виолетты, всегда было её безопасное убежище. Надев фартук дрожащими руками, Биана спряталась в самом дальнем углу кондитерского цеха. Она принялась яростно взбивать белки для безе, надеясь утопить в монотонном труде панику и стыд. Но стоило ей закрыть глаза, как губы снова обжигало требовательным, опытным поцелуем, а в носу стоял отчетливый запах морозной хвои.

Она так увлеклась, что не заметила, как дверь захлопнулась с оглушительным грохотом и в кухню стремительно вошла Фрея.

— Дрянь! Маленькая, эгоистичная дрянь! — кричала старшая сестра, наконец-то дав волю своим эмоциям, и слезы злости текли по лицу, размазывая безупречный макияж, — Из-за тебя всё пошло к чертям! Из-за твоих дурацких прятков с Джерардом Валерио чуть не выставил меня вон! Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

Биана, забыв про ложку с горкой воздушного крема в руках, ошарашенно смотрела на Фрею.

Ты завидуешь мне! — продолжала сыпать ядом старшая сестра. — Завидуешь, что я работаю в солидном месте, что у меня влиятельный мужчина, что я живу на полную катушку, пока ты возишься в муке! И поэтому ты решила прыгнуть в постель к парню, которому я понравилась в клубе?!

Биана слушала эти несправедливые, жестокие слова, и внутри неё что-то с треском ломалось. Родная сестра обвиняла её в предательстве, даже не желая слушать, что Биана сама стала жертвой опасной игры демона, из рук которого теперь, кажется, уже не выбраться ни одной из них.

Слова Фреи жалили сильнее, чем ведьминское проклятие. В кухне повисла звенящая, удушливая тишина, разбиваемая лишь тяжело дышащей от злости старшей сестрой. Фрея сделала шаг вперед, её глаза горели ядовитым торжеством, когда она увидела, как Биана побледнела от её слов.

— Ты никудышная, никчемная ведьма! — выкрикнула Фрея в лицо сестре, — Бабушка Хлоя на старости лет совсем выжила из ума и совершила роковую ошибку, когда отдала свой дар тебе, а не мне! Уж я-то, поверь, зря бы его на ветер не разбрасывала!

Фрея наотмашь била словами по самому больному — по тому, что Биана так долго и бережно хранила в своей душе.

— А что делаешь ты? Посмотри на себя! Ты вечно прикармливаешь всех бездомных собак и плешивых кошек в округе! Лечишь каких-то паршивых птиц! Ты раздаешь в кофейне рецепты лечебных снадобий просто так, абсолютно бесплатно! Ты пытаешься помочь всем убогим Рима! Да над тобой в открытую смеются все наши соседи! — Фрея обвела брезгливым взглядом старые обшарпанные стены их скромной кухни и застиранный коврик у двери. Из молодой женщины лавиной выходила вся злость и неудовлетворенность жизнью, которую она старалась тщательно прятать перед друзьями и профессором Валерио. Фрея сорвалась на визг. — За свой дар нужно брать огромные деньги, дура! Люди платят состояния за привороты, исцеление и удачу! Будь ты хоть капельку умнее, мы бы сейчас не экономили деньги и не жили в этой гребаной нищете! Ты заставила меня бросить учебу и спать со старым профессором ради денег, пока сама строишь из себя святую и гуляешь с красивыми парнями!

Биана стояла, словно пригвожденная к месту. Каждый упрек сестры отзывался тупой болью в груди. Ей хотелось закричать в ответ, что дар бабушки Хлои предназначался для созидания и помощи, а не для обогащения и грязных манипуляций. Что если бы она брала деньги с тех несчастных старушек, её дар и их дальнейший род окончательно потерял бы благословение высших сил.

Но слёзы душили горло. Биана лишь крепче сжала пальцы в кулачки, чувствуя, как внутри от обиды и несправедливости начинает лихорадочно пульсировать её ведьминская сила, угрожая разнести всю кухню. Тяжелый ком, сдавивший горло, прорвался тихими, удушающими рыданиями. Девушка развернулась и бросилась вверх по шаткой деревянной лестнице, ведущей в мансарду, где располагалась её тесная комнатка.

Она с грохотом закрыла за собой хлипкую дверь мансарды и повернула ключ в замке. Внутри пахло прогретым за день деревом, сушеной ромашкой, лавандой и старыми книгами. Это был её личный маленький мир, который сейчас казался таким хрупким и незащищенным.

Биана упала на кровать прямо в одежде и зарылась лицом в подушку, давая волю слезам. Жестокие слова Фреи до сих пор набатом стучали в ушах. «Никудышная ведьма... Ошибка бабушки Хлои... Если бы ты была умнее, мы бы не жили в нищете». За что сестра так с ней? За то, что Биана не умела проходить мимо чужой боли? За то, что её сердце не зачерствело?

Немного успокоившись, девушка села на кровати и посмотрела в круглое потолочное окно, выходившее прямо на вечернее небо, которое стремительно затягивали тяжелые, почти черные тучи.

По чернильному полотну уже пробежали первые, ещё беззвучные всполохи дальних молний. Природа словно отражала тот шторм, что бушевал в её ведьминской душе.

В этот момент Биана ощутила себя песчинкой. Совершенно одинокой, брошенной и непонятой во всей огромной, холодной вселенной. У неё не было никого, кому она могла бы по-настоящему открыться. Сестра презирала её, тётя была слишком занята спасением кафе, а в её размеренную жизнь нагло ворвался демон, превративший всё в опасную игру.

Пытаясь хоть как-то заглушить звенящую пустоту внутри, Биана дотянулась до старенького ноутбука. Экран мигнул, осветив бледное лицо девушки со следами слез и растяпанными волосами.

Она открыла свою страницу в соцсети, на которой обычно размещала фотографии и рисунки трав и цветов. Пальцы начали быстро и лихорадочно вбивать текст. Это был крик о помощи в пустоту интернета.

«Бывало ли у вас чувство, что вы лишний человек в собственной жизни? Что всё, что вы делаете искренне и от чистого сердца, оборачивается против вас? Когда самые близкие бьют в самые уязвимые места, а мир вокруг кажется огромным, чужим и пугающим. В такие ночи,

когда над городом собирается гроза, кажется, что ты абсолютно один во всей вселенной. И никто никогда не услышит, как громко трескается твоя душа от этого одиночества...

Биана зажмурилась и, не давая себе времени передумать, нажала «Опубликовать». Она захлопнула крышку ноутбука, уткнулась подбородком в колени, слушая, как первые тяжелые капли застучали по окну мансарды.

Глава девятая

романтичная, интригующая и возвышенная, в которой долгожданный контакт установлен и язык поэзии помогает заявить о своих чувствах той, что пленила сердце

**«Поэзия — это самое красивое,
самое живое и самое святое из всего,
что создано человеком для выражения любви.»**

Вальтер Скотт

Рим накрыла душная грозовая ночь. На уединенной вилле «Тайное убежище» тишину нарушали лишь далёкие раскаты грома да мерный стук тяжелых капель о мраморные балюстрады. Андреас снова сидел перед экраном. Кане-корсо беспокойно переминались с лапы на лапу у его кресла, чутко улавливая, как в воздухе сгущается электричество.

Парень обновил страницу Бианы без особых надежд, просто по привычке сталкера, запертого в своей золотой клетке. Но то, что появилось на экране, заставило его замереть.

Ему повезло. Но это была темная, болезненная удача.

Биана выложила новый пост, и на этот раз на черном фоне не было цветов. Только текст, сочащийся такой отчаянной, горькой беззащитностью, что у затворника перехватило дыхание.

Одиночество ведьмы, запертой среди обычных людей, прорвалось наружу.

«Бывало ли у вас чувство, что вы лишний человек в собственной жизни? Что всё, что вы делаете искренне и от чистого сердца, оборачивается против вас? Когда самые близкие бьют в самые уязвимые места, а мир вокруг кажется огромным, чужим и пугающим. В такие ночи, когда над городом собирается гроза, кажется, что ты абсолютно один во всей вселенной. И никто никогда не услышит, как громко трескается твоя душа от этого одиночества...»

Андреас читал эти строки, и каждое слово отзывалось в его груди глухими ударами. Его собственное родовое проклятие, его уродство, его вынужденное затворничество среди роскоши — всё это было той же самой монетой. Он был убогим существом, запертым в своей темноте. И он, как никто другой, знал цену этому абсолютному, душевному одиночеству.

Она впервые открыла свою душу. Безликий блог травницы наконец обрел живой, плачущий голос.

Андреас медленно поднял руку и коснулся клавиатуры. У него был пустой, закрытый аккаунт без единой фотографии, созданный лишь для того, чтобы наблюдать за ней. Он никогда и никому не писал. Но сейчас сохранять молчание было выше его сил. Одиночество ведьмы нашло отклик в израненном сердце чудовища.

Пальцы Андреаса замерли над клавиатурой. Он долго смотрел на мерцающие строчки, а кане-корсо, словно чувствуя его нерешительность, положил тяжелую морду ему на колено. Молодой мужчина сделал глубокий вдох, который отозвался глухой болью под маской, и начал писать.

На это раз он не стал разыгрывать загадочного сталкера. В эту грозовую ночь он писал не как богатый наследник огромного состояния и не как дерзкий байкер на эксклюзивном «Брафе». Нет. Он писал как родственная душа, запертая в собственном аду. Его сообщение в директ с пустого аккаунта получилось коротким, но предельно искренним.

«Я услышал. Сквозь шум подступающей грозы и километры пути — я услышал, как трескается твоя душа. Ты не одна во вселенной. По крайней мере, этой ночью. Есть те, кто

отдал бы всё, чтобы просто иметь возможность выйти к людям, ходить по улицам Рима и делать что-то искреннее, пусть даже мир вокруг этого не ценит. Твоё милосердие — это не слабость, это свет. Пожалуйста, не позволяй чужой жестокости его потушить. Отдавать тепло тем, кто в нём нуждается — это не глупость. Это единственное, что спасает этот уродливый мир от полной темноты».

Он нажал «отправить» и откинулся на спинку кресла. Экран телефона на его столе оставался темным. Он понимал, что Биана может проигнорировать сообщение от незнакомца без аватарки. Но в его душе жила слабая, отчаянная надежда, что его слова смогут стать для неё тем самым спасительным коконом, в котором она так нуждалась этим вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.